

Дарья Калинина

Мизрак в кожаных ботинках

ПРОЩЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина
Призрак в кожаных ботинках
Серия «Иронический
детектив (ЭКСМО)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30091728
Призрак в кожаных ботинках: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092160-7

Аннотация

Что может быть прикольного и интересного в деревенской жизни? Да ничего! Знай себе работай до седьмого пота. Именно так думал Саша, поселившийся со своей беременной сестрой и ее мужем-фермером в старом доме в полузаброшенной деревне Васильки. Но однажды ночью его разбудил волчий вой, хотя зубастые хищники в их округе отродясь не водились. А утром выяснилось, что все деревенские, в отличие от хозяев жилища, прекрасно осведомлены о том, что в доме, который купила Сашина семья, обитает самое настоящее привидение, которое куролесит в округе и воет по ночам на луну. Кроме этого, Саша обнаружил явные отпечатки чужого левого ботинка возле дома. Но какие же привидения носят мужскую обувь?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	44
Глава 4	63
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дарья Калинина

Призрак в кожаных ботинках

© Калинина Д.А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Глаза открылись вдруг как-то сами собой. Только что Саша спокойно спал, и вдруг сон прервался резко и без всякого объяснения. Саша взглянул на часы. Полночь. До утра еще спать и спать. Что же его разбудило? Дурной сон? Саша попытался припомнить, что ему снилось. Вроде бы что-то про волков. Стая зубастых хищников окружает его со всех сторон, глаза у них светятся в темноте зеленым, серая шерсть стоит на затылках дыбом, жадные пасти широко раскрыты, и с длинных белых клыков капает слюна. И сожрать они хотят его! Целиком!

– Да ну! Чушь какая-то, – пробормотал молодой человек. – Какие еще волки! И приснится же такое!

И тут за окном внезапно раздался протяжный вой. Саша резко оторвал голову от подушки и прислушался. Его пробил холодный пот. Ну да, воют. Точно. И не ветер то воет, не ураган, а именно что живые существа – волки! Это волчий вой! Спутать его нельзя ни с одним другим.

– Вот и сон в руку!

Но откуда тут взяться волкам? И почему не лают собаки? Его собственный Барон и соседский Дик.

– Хороши сторожа, нечего сказать, – проворчал Саша, спуская ноги на пол.

Он намеревался пойти отыскать в доме Барона и устроить

тому хорошенькую взбучку. Почему не реагирует! А завтра пойти к соседу дяде Федору и поинтересоваться уже у него, что такое происходит. Барон еще щенок, пусть и взрослый, но все равно щенок. Он порядков не знает. Но Дик! Он-то куда смотрит? Он сторожевой пес, должен знать, что если возле дома волки, то их хотя бы для порядка облаять нужно. Но что делать, раз обе собаки филонят, придется человеку идти и самому разбираться с невесть откуда взявшимися волками.

Стоило Саше встать на ноги, как он почувствовал, что замерзает. По полу ощутимо тянуло сквознячком. Да оно и понятно, дом, в котором нынче поселилась сестра со своим мужем, был старым, и состояние его было далеко не самым лучшим. И по-хорошему так давно следовало бы эту древнюю развалюху разобрать на дрова, а на его месте поставить новый сруб. Или оставить дом деда в качестве музея. Поди нынче таких домов уже и не сыщешь. Больше ста лет ему. Конечно, дом просел уже с одного края. Крыша кое-где течет. Из всех щелей дует. Но все-таки дом стоит и падать пока что не собирается.

Да, лучше музей! Для него и специально приобретать ничего не надо. Всякими берестяными лукошками, коваными косами и чугунками весь чердак забит. Саша лазил, знает, что к чему. И прятка там есть, да не простая, а расписная и с колесом, которое вертится. На ней даже кудель сохранилась, или как там эта чесаная овечья шерсть называется, из

которой потом нитки тянут. И нить имеется. Так и кажется, что хозяйка на секундочку оставила свою работу, в сени вышла, сейчас вернется. А вместе с прочей посудой так даже и самовар медный имеется. Позеленел уже от времени, но медали на круглом пузе под налетом все равно различимы. А такие медали только самым лучшим изделиям на разных там ярмарках присуждали.

А мебель! Да одна мебель чего стоит! Пускай посетителей и денежки с них бери. Пусть ахают и дивятся, до чего в Новгородской губернии крестьянству до революции жилось хорошо. Но если без шуток, то Сашку всегда интересовало, откуда у старого крестьянина – бывшего хозяина этого дома – взялась такая непростая мебель. Видать, зажиточный мужик был. Если буфет, то весь в резных завитушках. Если шкаф, то украшен инкрустациями. А пианино! Откуда в деревенской избе взялось пианино?

Отец Коли – дядя Степа – говорил, что пианино еще от прежних хозяев дома осталось. И мебель от них же. Но больше дядя Степа ничего внятного сказать не мог. Дескать, дом еще его дед покупал в середине шестидесятых. А дед тот помер еще до рождения Коли. Так что Коля про деда и старинную мебель тоже ничего не знал, а подробности спросить нынче не у кого.

Но чья бы она ни была, а для музея такая мебель в самый раз будет. А если на чердаке поискать среди всякой всячины, то там и старинная скатерть найдется. Она с пятнами,

а в одном месте даже дыра как от упавшего окурка, но если расставить на пятнах и дырке плоски, чашки и блюдца, то получится очень даже замечательно. Решено, старый дом оставить, а новый поставить... Где? Да хоть бы и рядом.

Саше казалось, что это самое лучшее решение в данной ситуации. И на дровах какая экономия получится! Заколебался он зимой в лес по дрова ездить. Что ни день, то они по два, а то и три рейса с Колей делали. И все равно дров до весны не хватило. Старый дом – сколько его ни топи, все равно холодно. Все тепло через дырявую крышу улетает. Сестра тогда смеялась: хорошо живем, самим холодно, зато улицу отапливаем.

На улице снова раздался заунывный вой, он вывел Сашу из состояния еще сонной задумчивости.

– Да что же это такое! – воскликнул он. – Воют и воют! Ну, сейчас я вам покажу!

Прежде чем выйти из своей комнаты, Саша прислушался. Спит его сестра? Вроде бы спит. И Коля – ее муж – тоже спит. Даже отсюда слышно его похрапывание.

– Ну и пусть себе спят.

Саша решил родственников не тревожить. Если будить Колю, то и сестру разбудишь. А ей сейчас волноваться было совсем незачем. Катя была беременна, и Саше нравилось то, как повлияла на сестру беременность. Сестра теперь часто смеялась. Когда в городе жила, улыбки иной раз на ее лице было не видно неделями. А тут хохочет. Холодно, неудобно,

неудобств бытовых тьма, а она всем довольна. Вот что значит за любимого замуж выйти. И все-таки хоть с любимым рай и в шалаше, но Сашка прикидывал так, будущим его племянникам такого родительского счастья маловато будет. К нему еще и новый дом хорошо бы.

Да вот только до постройки нового дома у сестры с ее мужем все как-то руки не доходили. Все потом да потом у них. И так уж как-нибудь проживем. А Саша... Что с него взять? Известное дело, студент, приезжает только на каникулы. Какой с него спрос? Если что подсобить, он Кольке всегда поможет. А ответственные решения принимать должен глава семейства. А таковой нынче у них Коля. Хотя если бы Сашу попросили сказать честно, то он бы сказал прямо, если самому Коле комфортно в таком насквозь продуваемом ветром сарае, то Кате в ее интересном положении совсем не нужно, чтобы ей дуло со всех сторон.

И снова за окном раздался протяжный волчий вой.

– Да что же это делается такое! – окончательно рассердился Саша, который все же в глубине души рассчитывал, что волки повоюют да и уберутся восвояси и выходить на холод ему не придется. – Воют и воют! Управы на них нет!

И шепотом позвал:

– Барон! Ты где?

Позвал и даже свистнул. Но его любимый пес не откликнулся. Теперь Саша еще и встревожился. И повысил голос.

– Собакин, иди ко мне? Ко мне!

Барон и тут ему не ответил. А ведь пес был привязчив и даже прилипчив. Куда хозяин, туда и пес. В поле так в поле. На рынок так на рынок. В баню? Можно и в баню. Пусть там душно, жарко и совсем невкусно пахнет мыльной водой, но Барон был согласен терпеть все неудобства. Лишь бы оставаться рядом с хозяином! Лишь бы быть рядом с ним!

И снова вой за окошком. Истошный, жуткий, так и рвущий душу. Саша вконец задергался. Ночь на дворе. Сестра с мужем спят как ни в чем не бывало. У них собаки нет. Им чего тревожиться? Да и комната их выходит на другую сторону. Да еще у них в комнате стоит единственный во всем доме стеклопакет, так что слышимость там хуже. Поэтому сестра с мужем и не реагируют на вой, что не слышат его. Но почему молчит Барон? И где он вообще, хотелось бы это знать!

Всякие мысли лезли Саше в голову, одна ужаснее другой: – Уж не задрали ли его волки!

Впопыхах он долго не мог найти тапки. Потом плюнул – что тапки, когда за окном, может быть, разыгрывается кровавая драма. Саша не стал тратить драгоценное время на поиски домашней обуви, натянул носки и поспешил к дверям. Тут он сунул ноги в высокие резиновые сапоги, накинул на плечи первое подвернувшееся ему под руки пальто, оказавшееся Катиным, и в нем выскочил на улицу. Лишь тут он смекнул, что собирается сражаться с волками голыми руками. Растяпа! Хоть бы лопату взял! Или топор!

Ни того, ни другого не нашлось, зато в сених стояла коса, которой летом Коля косил траву для кроликов. Скоро должна была уже пойти первая травка, и Коля хотел поправить косу, с этой целью и перенес ее поближе. Как удачно! Молодец! И Саша схватил косу. Потом вспомнил, что волки первым делом вцепляются своей жертве в горло, вернулся, стянул с вешалки большой пуховый платок, которым и замотал не только шею, но и голову. И уже полностью экипированный, огромными скачками, размахивая косой, помчался спасать свою собаку от стаи волков.

К удивлению Саши, когда он выскочил на поле за домом, откуда еще совсем недавно доносился волчий вой, там уже никого не было. С неба светила полная луна, заливая все вокруг своим мертвенным светом. От деревьев, растущих вдоль кромки поля, падали длинные темные тени, ветер шевелил ветки, шевелились и тени. И от этого черного шевеления вокруг на душе становилось жутковато.

Саша огляделся по сторонам. Где же волки? Никого нет. Померещилось ему, что ли? Да нет, волчий вой он отчетливо слышал. И доносился он именно с этого поля.

– Э-эй! Есть тут кто?

Ответом ему была тишина. Лишь ветер шумел в верхушках деревьев. Саша переложил косу в другую руку и взглянул на луну. Может, она подскажет, где искать волков? Затем Саша огляделся по сторонам, и ему показалось, что за длинным рядом молодых фруктовых деревьев, которыми было обса-

жено это поле, мелькнула чья-то быстрая тень. Или это ему только показалось? Или нет? Неужели именно там волки уже пируют над его маленьким Бароном? Именно сейчас рвут собаку на куски! А почему они молчат? И Саша тут же обругал самого себя. Вот дурак! Рты у волков заняты, потому и не воют.

– Надо срочно привлечь их внимание к себе. Отвлечь!

И подняв голову к небу, Саша протяжно и старательно завыл:

– А-у-у-у! А-у-у-у-у-ах!

Это подействовало. За деревьями раздался какой-то звук. Что это было, Саша сказать не мог. Но за деревьями определенно кто-то был.

– Я иду! – закричал Саша, чтобы Барон слышал. – Я уже иду-у-у-у к тебе-е-е-е!

Получилось немножко похоже на бляение, потому что, взяв косу наперевес, Саша помчался в сторону деревьев. На ходу кричать было неудобно. Ноги увязали в мягкой земле. Да еще коса была тяжелая, мешала ему передвигаться нормально, но Саша ее не бросал. А чем иначе он будет обороняться от волков, которых там, может быть, тьма-тьмущая? Перекидывая косу из руки в руку, Саша продолжал бежать к деревьям. Вот и первые яблони. Саша миновал их. И каково же было его разочарование, когда он никого не обнаружил и тут.

– Но тут же кто-то был! Я видел!

Саша покрутился на месте, но, никого не обнаружив, поплелся назад к дому. На душе у него было паршиво. Парень уже почти добрался до крыльца, и тут, словно чертик из табакерки, ему под ноги метнулось что-то маленькое, юркое и грязное. Существо принялось крутиться у его ног, радостно при этом поскуливая.

– Барон! – обрадовался Саша. – Ах ты, бродяга! Где же ты пропал?

Пес продолжал изливать на хозяина свою радость. Он вертелся, прыгал и даже оперся передними лапами о ногу хозяина, что вообще-то ему строжайше запрещалось делать, чтобы не пачкал своими лапами одежду. Но Саша не стал ругать пса, хотя сейчас было самое время возмутиться. Ведь грязными у Барона были не только лапы, но и весь он был покрыт толстой коркой, которая отваливалась от него кусками.

– На кого ты похож! Ты что, в лужах валялся?

Впрочем, одними лужами тут дело не обошлось. Вероятно, Барон еще и вдоволь поносился по свежее-вспаханному полю, которое Коля собирался засеять овсом. У Коли были грандиозные планы. В этом году он хотел взять на откорм несколько бычков и загодя готовил им вкусный зеленый десерт к обычному комбикорму. Взяв какую-то тряпку, валяющуюся на ступенях крыльца, Саша насухо обтер Барона. Со всем отчистить с него грязь было невозможно, для этого надо было собаку искупать. Но сейчас топить баню специально для Барона он не будет.

На Сашу внезапно навалилась усталость. Он несколько раз зевнул и сказал:

– Пойдем спать.

Барон не возражал. Он всегда был рад пойти куда-нибудь со своим любимым хозяином. Они вернулись в дом, где Саша поставил косу на место, а пальто и платок сестры повесил на вешалку. Мимоходом он отметил, что на белой ткани пальто четко отпечатались два грязных пятна – это были следы лап Барона. Но ни ругать сейчас собаку, ни чистить пальто Саша не стал. Сил не было. Когда пятна подсохнут, их можно будет легко очистить с помощью простой щетки. А если сейчас начать замывать, только еще больше все испортишь.

Саша доплелся до своей кровати и буквально рухнул в нее. Как же хорошо оказаться в натопленном помещении после холода ночи! Какое счастье, что у него есть крыша над головой! До чего же противно оказаться в такую ночь на улице! И уже засыпая, Саша пожалел волков, чей вой вновь доносился с улицы. Но так как теперь Барон был рядом и находился в безопасности, Саша и не подумал дергаться. Пусть их воют, такая уж у них жизнь волчья. И не хочешь, да поневоле завоешь.

Утром ничего не напоминало о событиях ночи. Когда Саша проснулся, сестра уже накрывала к завтраку. В ожидании малыша она уже заметно округлилась, но пока еще двигалась легко, и обычная работа по дому давалась ей без усилий и

вроде даже приносила радость. Хотя Сашу все равно немного коробило, когда он видел, как сестра моет пол внаклонку. Хоть бы швабру догадались купить, все было бы легче.

Увидев, что Саша открыл глаза, сестра ему улыбнулась:

– Доброе утро.

– Не такое уж оно и доброе. Ты слышала, что было ночью?

– А что было?

– Волки!

Глаза у сестры широко открылись от удивления.

– Волки? Какие еще волки?

– Настоящие!

– Тут у нас в Васильках? – удивилась Катя.

– Да! Тут! Я услышал и выбежал из дома. И одного или двух я видел!

О том, что он видел лишь чью-то тень, да и то неразборчиво, Саша умолчал. Сейчас при свете дня события минувшей ночи представлялись ему еще более значимыми. Он один выскочил из дома навстречу стае волков! Не побоялся! И он дал бы им бой, если бы они все куда-то не разбежались.

– О волках мы тут и зимой-то не слышали, – продолжала недоумевать Катя. – Откуда бы им взяться?

– Из лесу, вестимо! Тут же леса кругом! В такую глушь вы забрались, что...

– Но это обычно зимой голод гонит зверей из леса, – перебила его сестра. – А сейчас уже весна. Май месяц. В лесу полно корма. Зачем волкам так рисковать и соваться к чело-

веческому жилью?

– Может, они экстрим любят.

– Скорей всего, тебе просто показалось, – рассмеялась Катя.

Саша на нее даже обиделся. Вот и рискуй после этого жизнью ради них. Никакой благодарности! Тем не менее обида не помешала ему плотно закусить горячими блинчиками, которые Катя посыпала сахаром да еще и медом полила. Блинчики были свернуты в виде рулетиков, внутри была начинка из нежнейшего домашнего творожка, который Катя брала у соседки – бабы Глаши. У бабы Глаши имелась единственная в деревне дойная корова, из молока которой хозяйка готовила и сливки, и сметану, и творог. Все для продажи.

После завтрака Саша пошел на место своих ночных приключений. Если там были волки, а они там были и выли, то должны были остаться их следы. И следы были. Много следов. Сколько тут было зверей, Саша сказать не брался. Следопыт из него был аховый. Но он видел, что вся земля испещрена следами волчьих лап. Правда, попадались среди них и отпечатки человеческих ног. И следы эти были совсем свежие. Создавалось такое ощущение, что волки и человек топтались на этом поле одновременно. Но как такое могло быть?

– Это не мои отпечатки, – сообразил Саша, поставив свою ногу на землю и впечатав ее в грунт. – Хотя размер похож. Но следы эти не мои. Мои вот тут. А эти чьи же? Точно что не Катины. И не Колькины.

Действительно, размер ноги Кати был много меньше, а Колин – наоборот, много больше отпечатков на земле.

– Если не я, не она и не он, тогда кто?

По соседству с домом Коли был еще один жилой дом. Но в нем обитал дядя Федор. Мужик он был нелюдимый, что заставило его поселиться в такой глуши, сказать никто не мог. О себе дядя Федор распространяться не любил. И вообще предпочитал, чтобы в его дела не совались. Но зато и в чужие он носа не совал. Когда Коле бывала нужна мужская помощь, дядя Федор приходил и помогал. Но денег за свою работу не брал и всем своим видом показывал, что, если бы не были они соседями, послал бы он Колю далеко и надолго. Так что обращаться к нему приходилось лишь в самом крайнем случае.

Так и жили. Катя с мужем в своем доме, а дядя Федор в своем. Огорода он не держал, землю не обрабатывал, скотины никакой у него не было. Один лишь пес имелся – огромная восточноевропейская овчарка по кличке Дикий, или просто Дик.

– Может, это Дик тут ночью бегал? Размер лап у него будьте нате.

Саша оглянулся и увидел сестру. Она стояла на краю поля и, глядя на него, всю улыбалась.

– Тут твои волки ночью выли?

Саше внезапно стало стыдно. Придумал каких-то волков. А это мог Дик выть. Хотя раньше за собакой такого не во-

дилось. Сколько тут уже жили Коля с Катей, а Дик вел себя всегда прилично. Выходя на прогулку по окрестностям, держался рядом с хозяином. На чужие поля или огороды не забегал. И нрав у него был такой же суровый и нелюдимый. Музицировать по ночам было совсем не в его характере.

К тому же Дик раз и навсегда предельно четко обозначил для себя границы своих владений. Что происходило за ними, его не интересовало. Но зато и свою территорию пес защищал от чужеродного вторжения с такой неистовой яростью, что каждый визит к дяде Федору был сопряжен с нешуточной опасностью. Дик рычал и лаял на незваного чужака с такой лютой ненавистью, что казалось, еще минута, вцепится в гостя и растерзает его на части. Но данное поле он своей собственностью не считал и, конечно, нипочем бы сюда не сунулся.

– Приспичило бы ему попеть, он бы у себя возле дома концерт устроил.

– Так бы ему дядя Федор и позволил среди ночи выть.

Да, характер у соседа был не тот, чтобы позволять собаке шуметь. И с Диком его хозяин управлялся жестко, а порой, на посторонний взгляд, и вовсе жестоко. Как-то раз Катя даже сделала дяде Федору замечание, увидев, как тот грубо одернул собаку. Но дядя Федор вместо того, чтобы обидеться или рассердиться, лишь снисходительно пояснил:

– Своих хозяев собака считает своей стаей. И место собаки в самом низу стаи. И собака должна это всегда помнить.

А добиться этого можно, лишь полностью подчинив собаку себе, подавив ее волю. Если же пес начнет о себе слишком много воображать, то прощай всякое послушание. Он будет думать, что и сам чего-то стоит. И собака от этого испортится.

Сказать нечего, хозяина своего Дик слушался с полуслова, с одного взгляда. И обожал его всей своей собачьей душой. Может быть, Барон выполнял бы команды лучше, требуй от него Саша послушания более строго?

– Барон, идем к Дику. Где Дик? Ищи! Ищи, скорей!

Барон тут же завертел головой, поставил хвост пистолетом, напряженно всматриваясь в указанном хозяином направлении. У собак сложились между собой странные отношения. Оба они были кобелями, примерно одного возраста, Барон чуть помладше, но если на нейтральной территории они могли и поиграть, то к себе на участок Дик никогда Барона не допускал, а вот тот относился к появлениям Дика вполне по-дружески.

– Плохой из тебя сторож, – постоянно пенял Коля резвящемуся с чужим псом Барону.

Барону было все равно. Он продолжал веселиться. А вот Саша обижался.

– Он охотник, а не сторож.

– Тоже мне охотник. За всю осень одну драную утку принес и двух каких-то птичек с болота приволок.

Прошлой осенью в сентябре Барону едва исполнилось

шесть месяцев. И Саша считал, что для полугодовалого щенка не просто найти в лесу подбитую другими охотниками утку, но еще и притащить ее своему хозяину – уже настоящая победа. А что касается тех двух вальдшнепов, так их Барон вообще поймал голыми зубами. Совсем неплохой результат для мальчишки.

– Он себя еще покажет, – заступалась за собаку Катя. – И я очень рада, что Барончик у нас ласковый, а не такой бука, как этот Дик. Тот даже погладить себя не дает. А ведь знает меня всю жизнь.

И вот сейчас, подходя к дому соседа, Саша подозвал Барона к себе и взял его за ошейник. Мало ли что там придет в голову этому Дику. Но овчарка никак не отреагировала на приближение чужих. Дик не подбежал к забору. Не залаял он и из дома.

– Странно. Где же он?

Заходить на участок дяди Федора Саша все же побоялся. Свежо еще было в его памяти то, как летом Дик на него набросился. Собака тогда тоже зазевалась и не сразу выбежала навстречу. А Саша опрометчиво решил, что Дика вообще нету дома, и прошел в калитку. Ну и поплатился за свое самоуправство прокушенной рукой. Хорошо еще, что прививка от бешенства у Дика все же была сделана. Обошлось без укулов. Но рана все равно заживала долго. И с тех пор Саша навсегда усвоил урок. Без приглашения хозяина к нему на участок не соваться.

– Федор Иванович! Вы дома?

Ни гу-гу.

– Ночь прошла спокойно? Волков не слышали?

И снова ни ответа, ни привета.

– Федор Иванович, с вами все в порядке? Волки вас не тревожили?

Никакого ответа не последовало. Поколебавшись, Саша все же открыл калитку. Эх, была не была! Вытянув из забора один из криво сидящих кольев, Саша прошел внутрь. Деревянный кол – это никудышная защита от острых зубов Дика, но все лучше, чем совсем ничего. Но все обошлось. Дик так и не появился. А дверь в дом оказалась открыта.

Но само по себе это еще ни о чем не говорило. Воров в деревеньке с несколькими жителями не наблюдалось. Да и что воровать в доме у дяди Федора? Кровать? Или коврик, на котором спит Дик? Так что дядя Федор мог дверь оставить открытой хоть на целый день, хоть больше. С ним уже такое случалось, когда он уезжал в город на несколько дней, а распахнутая ветром дверь хлопала и хлопала, пока кто-нибудь из сердобольных соседей ее не прикрывал.

Но все же сейчас внутри дома кто-то был. И этот кто-то пах сладкими духами. Да еще напевал, и делал он это женским голосом!

Глава 2

Пройдя несколько шагов, Саша нос к носу столкнулся с пухленькой дамочкой лет пятидесяти, которая тут же вытаращила на него глаза и заулыбалась.

– А вы кто? – застрекотала она, не позволяя Саше вставить ни единого словечка. – Новый сосед, наверное? Это вы в старом доме с привидением поселились? Мне Федя про вас много всего интересного рассказывал.

Саша хотел уточнить, что это за привидение такое выискалось, но женщина скороговоркой затрещала дальше, не давая Саше времени опомниться.

– А я Фебина жена. Из города приехала. Мальвина меня зовут, разрешите представиться.

И она сунула Саше сложенную как для поцелуя руку. От руки приятно пахло каким-то дорогим кремом, она была мягкой, но целовать ее Саше что-то не хотелось. Поэтому он осторожно потряс руку, чем вызвал целый фонтан эмоций. Его назвали скромником и потрепали по волосам. Это Саше понравилось еще меньше. И сама Мальвина ему не понравилась. Да, она мило улыбалась, говорила приветливо, отпускала шуточки и не скупилась на комплименты, но глаза у нее были злые. И взгляд бегающий. У хорошего человека такого взгляда быть не может. Такой встречается только лишь у мошенников и завятых плутов, жизнь свою положивших на

всякие жульнические штуки.

– Я только зашел спросить у Федора Ивановича, не слышал ли он этой ночью странных звуков.

– Не знаю, что он тут слышал, – хихикнула Мальвина. – Меня с ним не было.

– У него самого спросить можно.

– Нельзя. Федор в город уехал. Я на порог, он с порога.

– Как? Вы сюда из города, а ваш муж в город?

Мальвина в ответ весело засмеялась, демонстрируя отличного качества коронки. Коронок было много. Видимо, зубы у нее были от рождения плохонькие, а вот денег хватало. И к хорошему протезисту Мальвина обращалась регулярно.

– У нас с Федором всегда так, – сказала она. – Мы уже много лет с ним существуем как бы в разных мирах. Я в гостиной, он на кухне, я в ванную, он в гостиную, я в гостиную, он в столовую, я в спальню, он в гостиную. Понимаете?

Саша понял, что в квартире Мальвины как минимум три комнаты. И что спят супруги порознь. И живут, видимо, тоже.

– А теперь Федя и вовсе отличную штуку придумал. Взял собаку и уехал в деревню. Предоставил мне одной наслаждаться отдельной квартирой со всеми удобствами. У меня квартира роскошная! Ванну джакузи установили, теперь можно хоть целый день в ней плескаться. Федя же простой, ему ванна не нужна, ему и в бане хорошо.

– И когда ваш муж обещал вернуться?

– После майских.

Значит, только через два дня.

– Мне после праздников тоже на работу нужно. Так что я в город, Федя из города. Да ничего, недолго уже осталось мне вкалывать за всех.

– На пенсию выходите?

Мальвина сначала замолчала, а потом расхохоталась. Но теперь смех у нее был какой-то злой.

– Какая отличная шутка! Ха-ха! На пенсию! Да мне, мальчик, чтобы ты знал, до пенсии еще целых тридцать лет.

Ну, на двадцать пять Мальвина точно не тянула.

– Я имела в виду, что скоро летние каникулы у детей.

Школа закрывается.

– Так вы в школе работаете! – осенило Сашу. – А кем?

Господи, неужели она учительница? Вот жуть-то! Ничего хорошего про школьное образование Саша ни от кого не слышал. И теперь понимал почему. Вот скажите, чему может научить детей такая вульгарная тетка?

– Я в буфете работаю.

– А! – обрадовался Саша за школьников. – Ну, там вам самое место.

Ляпнул и испугался, что Мальвина обидится. Но она не только не обиделась, но даже сочла его слова для себя в какой-то мере приятными.

– Да, такая работа по мне. Купи-продай – это мое. И навар хороший умею сделать. И выручку конторе делаю, и себя не

обижаю. Опять же, продукты дармовые. Каждый день сумки домой тащу. И сыр, и молоко, и мясо, и яйца. Все руки себе оттянула. А уж про крупу, сахар и овощи я и не говорю. Этого добра у нас и вовсе без счета. Сколько кому надо, столько и берем. Могла бы всех соседей накормить, да оно мне надо для чужих задарма горбатиться? Когда Федя в городе жил, мы и картошку, и капусту, и морковь мешками возили. Их в ларьки хорошо у нас брали. Как увижу, что хорошую картошечку завезли, я желтенькую такую люблю, она вкусная, я сразу же себе мешок и забираю. У меня от продуктов уже холодильник дома не закрывается. Я и Федору привезла. А чего? Небось не купленное, не жалко. Пусть ест и меня добрым словом вспоминает.

И Мальвина не успокоилась, пока не подтащила Сашу к холодильнику, который и впрямь оказался битком забит продуктами. Тут были картонные упаковки с детскими соками и молоком, решетки с яйцами, пачки творога, сложенные одна на другую высокими стопками. И конечно, куски того самого сыра, которым хвасталась Мальвина.

Вот только дата на твороге была сентябрьская. Учитывая, что сейчас был май, получалась просрочка больше чем на полгода!

– Да ты садись, я тебя завтраком накормлю.

Вот уж спасибо!

– Я не голоден.

– Покушай, я тебе и мяса поджарить могу. Или лучше со-

сисок отварю. Сосисками я Федору весь морозильник забила. Места для творога не осталось.

– Вы творог в морозильнике держите?

– А как он иначе месяцами храниться будет? Конечно, только в морозилке. Дома у меня для хранения продуктов целая морозильная камера включенная стоит. А у Федора в его холодильнике морозильная камера совсем крохотная. Творог в ней не поместился. Боюсь, что испортиться может. Надо творог срочно использовать, в сырники или запеканку он и замороженный сгодится. Или собаку Федор пусть этим творогом кормит. Да ты попробуй лучше сосиски, если у тебя к творогу вопросы. Сосиски точно хорошие. Прямо перед праздниками брала, даже еще не морозила. Бери, чего стесняешься. Я же знаю, у вас тут со снабжением фигово. И сама видела, что к вам за дерьмо в автолавке привозят. А у меня товар лучшего качества, небось детям в школьную столовую плохого не привезут. Да и недорого я тебе сосиски отдам, в магазине такие под шестьсот рубликов за килограмм, а я тебе по двести отдаю. Хорошие сосиски! Чего? Не хочешь?

Саша уже не знал, куда ему деваться от настырной особы. Вот привязалась со своими сосисками, хотелось ему сказать. Если они такие хорошие, сама их и ешь. Или уже не лезут? Зачем тогда берешь?

– Вы сами ночью тут были?

– Нет, я рано утром приехала.

Мальвина отрезала себе кусок сыра и принялась его же-

вать прямо так, без хлеба, без булки.

– Меня родственник подвез. Я и ему продуктов целую сумку закинула. И молока десять литров, и масла сливочного десять пачек. И творога, и сахара...

Дальше Мальвина подробно перечислила, чем именно она благодетельствовала своего родственника. Так что в итоге получилось, что это не он внакладе, что даром довез родственницу до деревни, а сам у нее в неоплатном долгу рублей как минимум на семьсот. Именно во столько Мальвина оценила разницу между стоимостью переданных продуктов и самой поездки. Подсчитала она размер своего благодеяния очень точно, фактически до рублика все высчитала, а потом махнула рукой:

– Да кто там считает!

Такое благородство.

В общем, не хотелось Саше с этой Мальвиной дружиться, и он попытался улизнуть. Но не тут-то было. Тетка вцепилась в него словно клещ. Ей хотелось знать, и откуда Саша приехал к ним в Васильки, и кем он приходится Коле с Катей, и что заставило его податься в такую глушь. Саша уже и сам пожалел, что пришел в этот дом, а Мальвина все не отставала. Она кинула сосиску Барону, и тот, подлец такой, сожрал! Сожрал, не дожидаясь разрешения хозяина и даже несмотря на Сашины возражения. Но после того, как Барон съел предложенное ему угощение, было уже неудобно сразу встать и уйти. Вот и пришлось Саше сидеть, кляня на чем

свет и прозорливость Барона, и собственную уступчивость.

Но в конце концов его терпение было вознаграждено.

– А как привидение себя ведет? – спросила Мальвина. – Неудобств оно вам не доставляет?

Вопрос был явно адресован Саше. Кроме них в доме попросту никого больше не было. Но о каком привидении она упоминает? Это явно неспроста, ведь Мальвина о привидении упомянула во время их разговора уже во второй раз. Она и в самом начале знакомства тоже про привидение спрашивала. Но что за привидение?

– Не знаю. Не видел я никакого привидения.

– А сестра твоя с мужем? Они-то видели старикана?

– Какого старикана?

– Сама-то я такую ужась нипочем бы не выдержала, – призналась Мальвина. – Это же надо до такого изуверства додуматься, живьем человека похоронить! И ладно бы на кладбище такое сделали. Нет, под самым порогом дома они его закопали. Нелюди!

Саша ощутил холодок между лопатками.

– Кого? – прошептал он, судорожно сглотнув. – Кого похоронили под порогом?

– Старика этого. Все не успокоится никак бедный от такого обращения. Да оно и понятно, как кто на порог-то ступит, сразу его душу и тревожит. Вот уже сколько лет прошло, а все никак ему покоя нету.

– О чем вы говорите? Кого-то заживо похоронили под по-

рогом? Под нашим?

– Да уж не под моим!

Весь вид Мальвины говорил о том, что уж она-то подобного безобразия в отношении себя точно бы не допустила.

– Давно это было, а только молва людская до сих пор историю эту хранит. До новых хозяев жили в этом доме странные люди. Кто уж они там были, то ли хлысты, то ли скопцы, я не знаю. Но знаю точно, что страшные увечья там эти люди себе причиняли. Один бедолага, надо думать, такого обращения не выдержал, сбежать от них попытался. Так они его в болотах словили, назад привели и живьем в землю захоронили, чтобы другим членам общины не повадно было от них в бега пускаться.

Саша похолодел.

– Это вы откуда знаете?

– Все про эту историю знают! Все, кто в Васильках больше года живет, те знают!

От кого знают? Кроме Коли с Катей, которые и впрямь поселились в Васильках год назад, тут еще обитал дядя Федор, который ни о чем таком даже не упоминал. И еще здесь были обитаемы три дома. В одном жила бабушка Глаша со своим внучком, который был то ли идиотиком, то ли просто блаженным. Оба они получали от государства пенсию.

Кроме того, выжить им помогала корова Зорька, которую обихаживал Сережа, который хоть и был слабоумным, но зато физической силой природа его наградила в избытке. Баб-

ка с внуком держали образцовый огород, с которого торговали овощами, травами и всякой зеленью. И кроме того, кур и кроликов, а весной брали на откорм еще и нескольких поросят, которые к осени вырастали в хороших свинок. Их мясом бабка с внуком разбавляли свой рацион.

Еще в одном доме жил дядя Вася. Он утверждал, что вместе с бабой Глашей является местным старожилом. Вероятно, если кто и мог знать легенду о привидении, так это они. И наконец, последний третий дом был обитаем условно. Владела им на общих правах большая семья Хлебаковых, точное число которых ни Катя, ни Коля пока что еще не подсчитали. Но человек пятнадцать, не считая детей, в разное время там точно появлялось.

Если семья собиралась в полном составе, в округе становилось шумно и немножечко страшно, потому что нрава Хлебаковы были буйного. Гуляли шумно, обязательно с мордобоем. А то бывало, что никто из Хлебаковых не появлялся месяцами, а иной раз и годами, и тогда их дом стоял пустой и печальный.

На эти майские праздники Хлебаковы еще не приезжали. Но еще в марте заглядывали трое представителей семейства, никогда в Васильках прежде не виданных, они покрутились здесь пару деньков и исчезли. Значит, идти надо к бабе Глаше или дяде Васе. И у них надо уточнить, что они знают о привидении. И заодно про волчий вой их тоже нужно спросить. Хотя на этих соседей у Саши надежды было еще мень-

ше, чем на дядю Федора. Дома бабы Глаши и дяди Васи стоят подальше, они могли ничего и не слышать.

И не прощаясь, Саша поднялся и пошел прочь.

– Так я сосиски-то вам занесу! Вижу, псу твоему они очень понравились, значит, точно хорошие. Собаки-то все чувуют! Эх, надо было больше брать! Надо было у Любки, она все равно дура, ничего ей не надо, хоть по сто рублей взять, а потом по двести спокойно толкнуть.

Похоже, в голове у этой женщины имелся особый встроенный калькулятор, который постоянно щелкал, складывая одну цифру с другой и извлекая для хозяйки пусть и маленькую, но все же выгоду.

Дом дяди Васи стоял ближе, туда Саша первым делом и заглянул. Несмотря на раннее утро, дядя Вася уже похмелялся. Выпить он любил. И чтобы никто не отвлекал от этого развлечения и не мешал ему заниматься любимым делом, много лет назад дядя Вася переселился в деревню, оставив в городе жену, троих взрослых детей, внуков, квартиру, хозяйство и знакомых.

Когда-то дядя Вася намеревался заняться фермерством, для чего им был даже приобретен подержанный трактор, который сломался во время первой же пахоты, да с тех пор так и стоял во дворе под наскоро сооруженным для него временным навесом, который ежегодно по весне дядей Васей подновлялся.

Каждую весну и осень перед началом пахотного сезона дядей Васей овладевало суетливое волнение. Он пытался реанимировать свой трактор или хотя бы его обновить. Почему-то ремонт машины он всегда начинал с покраски. Результатом этих стараний стало то, что трактор приобрел вид очень живописный. На одном – снежно-белом его боку сверкало ярко-красное пятно, напоминающее собой японский флаг. Передняя часть трактора была желтой, словно яичный желток. Одна дверь была синей, другая зеленой. С крыши стекали интенсивно-розовые подтеки, позволяющие догадаться, что банку именно с этой краской незадачливый маляр на крышу и опрокинул.

Кузов – это была отдельная песня, он был тоже покрашен в разные цвета, но с ним дядя Вася работал целый день не покладая рук. Так что цвета тут имели не такой хаотичный разброс, краски были нанесены в шахматном порядке. Клетка черная, клетка белая. В итоге кузов напоминал то ли гигантское такси, то ли шахматную доску.

Дядя Вася раннему гостю обрадовался.

– Заходи, малец! Удачно ты явился!

– Дядя Вася, – отстранив предложенный ему стакан с бормотухой, произнес Саша. – А можно вас спросить насчет здешнего привидения?

Сосед не удивился, а очень спокойно проговорил:

– Это ты, парень, про того призрака, что у вас в доме обитает?

Саша оторопел. А дядя Вася, словно бы не замечая произведенного эффекта, уточнил:

– Значит, видели вы его?

Дядя Вася посасывал вяленую плотвичку, запивая ее портвейном. Ничего странного в таком вкусовом сочетании он не находил. Мужик с любопытством поглядывал на Сашу, и его испачканные рыбьей чешуей усы возбужденно шевелились.

– Ну, говори! – поторопил он Сашу. – Видели?

– Нет, не видели.

– Тогда откуда про призрака знаешь?

– Мне жена дяди Федора проговорила, что такой в Васильках водится.

– Мальвина? Вот язык у бабы, что помело! Где какую гадость сказать, тут она своего шанса не упустит. А ты чего бледный такой?

– Да ведь привидение... В доме...

– Ты не трясись, не все так страшно.

– Хотите сказать, что частично это все же правда?

– Выдумки. Брешут люди. Хотя...

– Что?

– Дом этот, что твоя сестра с мужем сейчас занимают, не всегда их семье принадлежал. Раньше до них там другие люди жили.

– Знаю. У них Колин дед дом и купил.

– А до них еще другие. Человек пять-семь. Не помню точ-

но, но много. Кем уж они там друг другу приходились, сказать не могу. Вроде как родственники. Но и мужики там были, и бабы, и помоложе, и постарше. А вот детей не было. Поговаривали, что репрессированные они, из лагеря вернулись, в больших городах им селиться запрет был, вот они у нас в Васильках в пустующем доме и поселились. Но долго они тут не прожили. И однажды ночью исчезли все разом.

– Как такое возможно? Просто снялись и ушли?

– Кабы ушли, вещи бы свои забрали, из мебели чего увезли. А так просто исчезли. Накануне вечером суетились, дым из трубы шел, а наутро смотрим, снег у избы примят, следы как от машины в нем отпечатались, а самих жильцов никого нету.

По спине у Саши пробежал холодок. Успокоил дядя Вася, нечего сказать! Мальвина про одного покойника говорила, а этот сразу то ли пять, то ли семь приписал.

– Дядя Вася, куда же они делись?

– В те годы, если человек или даже целая семья исчезали, спрашивать было как-то не принято. Могу лишь догадываться, что без участия властей тут не обошлось. Они к хлыстам давно приглядывались. А тут, наверное, что-то произошло, вот они их за антисоветскую деятельность и сектантство и арестовали, так я себе думаю. Да об этом и у нас потом поговаривали.

– Уф! – выдохнул Саша.

Все-таки приятно, что бывшие жильцы покинули дом сво-

ими ногами, а их оттуда не вынесли.

– А почему вы их хлыстами называете? Мальвина сказала, что там скопцы раскольники жили.

– По мне, так все едино, – махнул рукой дядя Вася. – Я сектантами не интересуюсь. На что они мне? Меня самого бабка тайком от родителей крестила у здешнего православного попа, отца Арсения. У нас тогда на весь район единственный приход был, мы к нему почти за три десятка километров катили. Ничего, по холодку выехали, затемно вернулись. Бабка моим родителям и не сказала, где мы были. Соврала, что мы с ней в город к ее сестре мотались. Та в курсе была, потом подтвердила, что мы у ней в гостях были. Так никто ничего и не узнал. Бабка же моя в этих делах разбиралась. Она же мне потом объяснила, что соседи наши – те самые, что в вашем доме жили, хоть и крестятся, и поклонны кладут, и вроде как в Бога веруют, но они не из наших православных, а из секты. Потому они и святую церковь не признают, и вместо того, чтобы в храм идти, они у себя дома молитвенные собрания проводят. И что Бог их за это осудит. Так оно и вышло, арестовали их вскоре.

– Ну а почему Мальвина говорила, что эти люди какого-то своего старика прямо под порогом захоронили?

– Нет, – отмахнулся дядя Вася, – это она путает. Эта история еще до них случилась.

Все-таки случилась!

– Этого дела сам я даже и не помню, – вновь ударился в

воспоминания дядя Вася. – Меня в то время и на свете не было. Но бабушка мне рассказывала, что еще при царской власти в том доме точно хлысты жили. Обычно они своими деревнями селятся, чтобы им никто не мешал. А эти то ли даже своим слишком уж яркими показались, то ли еще чего, в общем, отселиться им община велела. Ну, они в Васильки и приехали, ваш дом построили да все в него и заселились. Много их было. Потому и дом такой большой. А хлыстами они потому прозываются, что на собраниях они вместе с молитвами еще и розги используют. Ну, или плети. Хлысты. Ремни на крайний случай тоже сгодятся. Молятся и хлещут ими друг друга.

Саша о таком виде молитвы слышал впервые, поэтому и оторопел:

– Зачем?

– Чтобы молитва лучше до небес доходила или для искупления, не знаю уж точно зачем, а только хлещут друг друга и сами себя почем зря. Отсюда и название у них такое было – хлысты. Иной раз так хлыстанут, так поусердствуют, что из кого-нибудь дух вон или кто-нибудь сознание от боли теряет. Тогда его во двор, водой обольют, он очухается и назад в дом ползет на молитву. Ну а один раз у них и впрямь несчастный случай приключился. Дед у них был, самый яркий до плети. Иной раз так себя ухайдакает, что уж не думают, что очнется. То ли грехов шибко много у него было, то ли просто такой усердный был, но еще моя бабушка мне рассказы-

вала, как он молился. Один раз она своими глазами это видела, да так напугалась, что на всю жизнь запомнила и потом много раз рассказывала, вот у меня в памяти и отложилось. Рассказать тебе?

– Рассказать!

Все, что касалось их дома, интересовало теперь Сашу необыкновенно.

– Ну, слушай, коли охота. В общем, у бабки моей в семье корова была пестрая да непослушная, вечно от пастуха и стада убегала. Тот уже замучился ее разыскивать. Идите, говорит, сами ищите, я за такую корову ответственность нести не желаю. Вот бабке самой и приходилось по лесам иной раз до темноты шастать. И в тот раз она тоже корову уже в темноте нашла, повела ее домой, и проходят они как раз мимо того дома. И вдруг в ночи слышит бабка вой, вроде как даже волчий, испугалась, конечно. По сторонам оглядывается, а потом сообразила, что воют-то не из леса, а из дома. Какие же это волки? Любопытно ей стало, она корову к изгороди привязала, к дому незаметно подкралась да в окошко и заглянула. И что же она там видит? Стоит этот старик один в пустой комнатке, из всей обстановки там лавка, на лавке гроб открытый стоит, и еще иконы в углу, а перед ними лампадка теплится. Вот старик перед этими иконами поклоны кладет, молитву шепчет и плетью себя по плечам охаживает. Что ни поклон, то удар плетью. Уже вся спина в крови. И то ли почувствовал чего, то ли что, взглянул на бабку. А глаза у самого зеле-

ным огнем светятся. Посмотрел на нее, да вдруг как завоет! Во весь голос. Страх бабушку обуял! Бабушка мне сказывала, что не помнила, как ноги оттуда унесла. Бежит, а вслед ей волчий вой несется. Корова тоже испугалась, веревку оборвала, снова в лес удрала. Да бабушка уж не побежала за ней. Черт с ней, с коровой, думает. Уж и не знала, как до своего дома добежать и в безопасном месте схорониться. С тех пор даже днем она приближаться к тому дому избегала. Проклятым и его, и обитающих в нем людей считала. Ей после и священник то же объяснил. Люди те отступники, вот их бесы больше других и мучают, законную свою поживу чувят.

– А корова нашлась?

– Корова-то... Корова нашлась.

– И волки ее не задрали?

– Нет. Какие волки? Тогда тут густо населено было. Волки к человеческому жилью близко не совались. А ты чего насчет волков-то спросил?

– Так... Вы дальше рассказывайте.

– Ну да недолго бабушке моей того страшного старика бояться пришлось. Помер старик. А за ним и сам дом вскорости опустел.

– Все тоже поумирали?

– Может, кто и помер, как без этого? Времена тогда лихие были. Мировая да гражданские войны, революция, коллективизация, потом снова война. Не знаю куда, а только хлысты из нашей деревни куда-то все подевались.

– А старик с зелеными глазами?

– Старик тот помер еще в спокойные времена, при царе-батюшке. Бабка его похороны хорошо запомнила, потому как его с большим почетом хоронили. И народу много разного приехало. Не из наших мест они были. Как гроб выносить, целая процессия выстроилась. Три раза они вокруг деревни гроб с его телом обнесли. А гроб-то был не иначе как тот самый, что бабка в свое время в комнате у старика углядела. И что больше всего бабку поразило, что на кладбище родственники, или кем уж они там ему приходились, мертвого старика не понесли, прямо у себя под порогом закопали.

Саша вздрогнул. Вот и дошли до самого главного!

– Где? – ахнул он. – Прямо в нашем доме?

– Ага. Вестимо, так.

Саша почувствовал, как челюсть у него медленно отвисает до земли. Он недоверчиво покосился на дядю Васю, который продолжал потягивать свой портвейн.

Может, не стоит верить старому пьянице? Ерунду какую-то городит.

– Покойников на кладбище хоронят. А этого почему в доме?

– Ну, вроде как и в доме, а вроде как и нет. Под порогом. Самое почетное место, как мне бабка сказывала.

– И в чем тут почет?

– Я тоже сперва не понял, а бабка моя в таких делах разбиралась. Она мне и объяснила, что это непрестанная молитва

близких за упокой души покойного получается. Кто из домашних или знакомых через порог ни перешагнет, всяк старика в этот миг да и вспомнит. Он же тут лежит! А всякий, кто вспомнил, тот, считай, покойника и помянул. Хоть двумя словами, хоть мысленно, а помянул. А усопшему на том свете всякая, даже самая короткая молитва в помощь будет.

Саша продолжал смотреть недоверчиво.

– Не веришь? – догадался дядя Вася. – Оно и понятно, что не веришь, тебе прежних обычаев и не понять. Нынче времена-то совсем другие. Каждый наособицу держаться желает, родства люди не помнят. Еще с самыми близкими худо-бедно общаются, а бывает, что и родные дети с родителями месяцами словечка не скажут. Да что месяцами, иные и годами не общаются. Друг друга с праздниками не поздравляют, так-то вот. Прежде все иначе было.

Но Саша все равно не понимал, в чем прелесть похорон под порогом. Нет, не хотел бы Саша так лежать, чтобы всякий, кто ни попадя, через тебя шагал по сто раз на дню. Какой уж тут покой? Одно волнение и тревога. И ладно, если свои шатаются туда-сюда, а ну как теперь, когда вся родня старика разлетелась в разные края, разметало их по свету, а живут в доме совсем другие чужие люди? Понравилось бы вам, если бы у вас над головой постоянно чужаки топтались? Саша считал, что нет. Ему точно бы не понравилось.

Хотя, конечно, о вкусах не спорят. И судя по всему, этот старик был большим оригиналом. В комнате с гробом жил.

Может, его и устраивает, что над ним постоянно все топчутся и через него перешагивают.

– Так что, дядя Вася, вы мне главное скажите, есть в нашем доме призрак или нет?

– Кто как рассказывает, – пожал плечами сосед. – Иные говорят, будто бы видели в иные ночи возле того дома какой-то белый силуэт. Но не всякая ночь ему годится, а только такая, чтобы луна круглая была. Вот в такие ночи его появления ждать можно.

А вчера как раз было полнолуние. Это Саша хорошо запомнил, потому что, когда выскочил из дома, все вокруг заливал мертвенно-бледный свет луны.

– А почему в полнолуние он появляется, – продолжал между тем дядя Вася, – так это потому, что любит этот старик на луну повить. И обязательно, чтобы круглая луна была, другую он не признает.

При этих словах Саша, начавший уже было успокаиваться, похолодел снова.

– И давно его тут в последний раз видели? Сколько лет назад?

– Лет? Это ты хватил. В прошлом месяце Федор его видел. Сказывал, что вышел по нужде во двор, а над округой волчий вой. Удивился, откуда бы волкам взяться? Про старика он и не знал ничего. Как и вы, пришлый он в Васильках, только что живет тут подольше вашего. Ружье взял да и пошел на разведку. Пес его с ним был, вел себя странно.

На зверя рычит, а тут тихо себя вел, поскуливал разве что. Вышел Федор со двора, к вам пошел, там за огородами на поле его и увидел.

– Он мне ничего не говорил.

– Ко мне прибежал. Вроде тебя, бледный, трясется весь.

Ну, я его и успокоил. Старик этот не вредный, никакой опасности от него нет. Повоет себе да и восвояси уберется. Раньше он вообще тихий был. Это в последнее время выть принялся. Наверное, и впрямь конец света наступает, вот он и плачет.

И взглянув на Сашу, сосед добавил:

– Да ты сам у Федора спроси, коли не веришь.

– Спрошу, когда вернется.

– Разве он уехал? – удивился дядя Вася.

– Да, в город.

– Вчера с ним вечером разговаривали, никуда он уезжать не собирался. Мальвину ждал, за сморчками ее в лес собирался вести. Любит она эти грибы, особенно если в сметане их запечь. А сморчки в этом году знатные. Со сметанкой да хлебушком – первое лакомство по весне.

– Нет, дяди Федора дома нету. Мальвина мне прямо сказала, что он в город укатил.

– Странно это.

Дядя Вася вроде бы даже расстроился, что приятель отсутствует. Саша тоже расстроился, но по другой причине. Мало кому понравится жить в одном доме с призраком. А

когда еще выясняется, что призрак этот имеет, так сказать, законное право там находиться, потому что, во-первых, это его дом, а во-вторых, он там до сих пор похоронен, то ситуация и вовсе накаляется. Если дело дойдет до открытого столкновения, то похоже, это не призраку придется убираться, а им с Колей и Катей выметаться вон. Призрак-то в доме вон сколько лет обитает, а они – всего ничего.

Глава 3

Со своими тревогами к сестре Саша не стал даже и соваться. Ни к чему ей, беременной, знать такие волнующие подробности о собственном доме. Вместо сестры он пошел к Коле. Но как и следовало ожидать, атеист Колька его страхи только высмеял.

– Какие еще старики-оборотни?

– Не оборотень этот старик, а привидение, призрак.

– Все равно не бывает такого!

– Но дядя Вася сказал...

– Больше слушай этого алкоголика! – окончательно возмутился Коля. – Да у него от той сивухи, которую он хлещет целыми днями, мозг давно высох. Ты бы еще к Сереге сходил!

Серегой звали внука бабы Глаши. Того самого слабоумного, который до сих пор не научился пользоваться ни вилкой, ни ложкой, а просто загребал еду со стола руками. Как у него обстояли дела с прочими человеческими потребностями, думать даже не хотелось.

– Нашел свидетеля, – кипятился Коля. – Старик с зелеными глазами! Воет! Это все спьяну дяде Васе показалось!

– А мне? Я ведь не пил вчера. Сам знаешь. Катя запах спиртного не выносит.

Забеременев, Катя и впрямь стала очень чутко реагиро-

вать на все запахи. От запаха алкоголя ее буквально выворачивало наизнанку. Так что жалея ее, домашние отказались от всякого рода выпивки. Теперь в их доме царил строгий «сухой» закон. И даже пиво оказалось под запретом.

– Так ты что, тоже воющего на луну старикана видел? – недоверчиво переспросил Коля.

– Видеть не видел, а вот услышать пришлось.

И Саша подробно рассказал, как проснулся ночью от волчьего воя. Как не обнаружил рядом с собой Барона и как пошел проверить, что там случилось. Он лишь умолчал о том, что нарядился для этого в Катино пальто с платком и вооружился косой. Коля особым сочувствием к недостаткам других не отличался, обязательно бы запомнил и высмеял. Он и так не упускал возможности поддеть Сашу. Особенно после нескольких пропущенных бутылочек любимого Колей темного пива. С тех пор как пиво в доме появляться перестало, Саше, конечно, стало полегче. Но уж такого шанса Коля бы точно не упустил.

– В общем, ты сам думай, как быть. Но я и раньше говорил, что лучше поставить новый дом. А старика оставить в старом. Под порогом он там или нет, а новый дом все равно нужен.

– Нужен, – проворчал Коля. – Кто же спорит? Конечно нужен. А где деньги взять на его постройку? Ты, что ли, мне их дашь?

Денег у Коли было впритык. Все имеющиеся в наличии

средства он пустил на обустройство своего маленького фермерского хозяйства и на постройку рыбных садков, в которых водилась форель. Так уж получилось, что по участку проходил ручей, который Коля углубил, расчистил, разместил в нем садки с мальками форели, закупил комбикорма, и дело у него пошло. Форель весело резвилась и тучнела, ручей даже в морозы благодаря быстрой проточной воде не замерзал, и рыба ловилась исправно. И все же прибыль пока была не так велика, чтобы ее хватило на постройку нового дома. Следовало подкопить годик-другой. Но станет старик так долго терпеть? Или он и так уже готов открывать военные действия? И это его появление на недавно вспаханном поле лишь первая весточка?

Но эти мысли тревожили одного Сашу. Коля вновь занялся хозяйственными делами. Саша, чтобы отвлечься, взялся ему помогать. До самого обеда они возились во дворе. Разговаривать они избегали. Каждый думал о своем. О чем думал Коля, никто не знал. А вот у Саши из головы не шла история о проклятом старике. Вдруг он и впрямь стал призраком? И навсегда останется тут? Некоторые привидения бывают очень навязчивы.

– Обед стынет!

Это Катя, стоя на крылечке, призывно махала своим мужчинам рукой. Ополоснув наскоро руки под ледяной водичкой, Саша с Колей вошли в избу, где уже домылились основательно.

– Вас долго ждать? Садитесь к столу.

В доме витал аромат мясных щей и тушеного мяса. Саша повеселел. Что и говорить, русская печка – это вещь. Дров поглощает много, но зато и жар держит долго. И какой жар – ровный, почти нежный. Поставишь туда сразу несколько кастрюль, и порядок. Пища в такой печке получается густая, истомившаяся. Она не кипит, не булькает, она буквально пропитывается самим жаром. Никакая городская духовка с ней не сравнится.

Под влиянием вкусных запахов Сашино настроение мигом исправилось. Может быть, все не так и страшно. Может быть, старику тоже нравится, когда в избе люди и пахнет жилым помещением? Все-таки куда веселей, когда рядом кто-то есть, чем лежать под порогом одному, всеми забытому и покинутому.

Прежде чем взяться за ложку и начать есть, Катя потихоньку перекрестилась. Вслух молиться она не могла из-за мужа. Неверующий Коля смеялся над религиозностью жены, а иной раз и раздражался на нее.

– Что за дремучие пережитки! Двадцать первый век на дворе. Где ты этого нахваталась? Ни твои родители не молятся, ни мои, нам с тобой зачем начинать?

Так что читать предобеденный «Отче Наш» под насмешки и выговоры своего мужа Катя не любила. Поэтому молилась она про себя и крестилась так, чтобы не вызвать недовольства мужа.

Едва сели обедать, к ним пожаловал гость. Это был Серега, тот самый дурачок – внук бабы Глаши.

– Чего тебе? Зачем приперся? Пшел отсюда!

Коля не скрывал своего неудовольствия. В отличие от мужа, Катя убогого жалела.

– Подожди, не гони его. Когда тебя дома нет, он мне всегда помогает. И дрова принесет, и воду притащит. Да и тебе ни разу подсобить в работе не отказался.

– И чего теперь? Привечать его прикажешь?

– Может быть, он голодный. Или ему что-то нужно.

– Тьфу! – скривился Коля. – Ты еще его с нами за один стол посади. Посмотри, как он выглядит! А воняет как от него!

Сережа и впрямь пах далеко не духами. Как говорилось, за опрятностью он особенно не гнался. А потому частенько спал вместе с овцами, свиньями и коровой и пах соответственно. Волосы у него были грязные и нечесанные, налипшие кусочки навоза вперемешку с соломой и сеном придавали его прическе сходство с какой-то причудливой шапкой. Но разило от этой шапки...

И все-таки визит дурачка был необычен. Раньше он никогда по собственному почину в дом не заходил. Если было что-то нужно, стоял снаружи, издавая призывные возгласы. А тут вдруг пришел.

– Что-то случилось, Сережик? – ласково спросила у него Катя.

Лицо дурачка сморщилось, и он закивал.

– А где твоя бабушка?

Сергей разомкнул губы:

– Лежит.

– Где?

– Дома.

– Она что, упала? Ударилась? Плохо ей?

– Лежит. Не встает.

Катя глянула на часы. Было уже начало первого. Баба Глаша, которая единственная в деревне держала корову, всегда вставала в шесть утра. Корову надо было подоить, овцам задать корма, и объегнившихся по весне овецек тоже можно было подоить. Потом следовало молоко переработать. Коровье отдельно на творог, сливки и сметану, а из овечьего баба Глаша варила на редкость пахучий сыр, на который находились охотники. Но если в такой поздний час баба Глаша еще была в постели, значит, объяснение этому могло быть только одно.

– Она заболела!

Катя отложила ложку и поднялась.

– Ты куда? – встревожился Коля. – А обед?

– Какой обед, Коля? Как ты можешь есть в такой момент?

– Какой такой?

– А вдруг баба Глаша не просто заболела, вдруг она...

И Катя сделала такие огромные и страшные глаза, что даже до Коли дошло.

– Вот люди вредные бывают, – проворчал он. – Не дадут поесть спокойно.

Но из-за стола тоже встал. Саша уже обувался, стремясь первым узнать, что там приключилось с бабой Глашей. Если подозрения Кати верны и старушка преставилась, то ни к чему Кате первой входить в избу и видеть покойницу. Так что пока Катя с Колей одевались, Саша с Сережей уже выскочили на улицу и побежали к дому бабы Глаши. Впереди них несся Барон. Пес уже слопал полную миску мясных щей, был сыт и в прекрасном настроении. Он бежал, помахивая обрубком хвоста, уверенный, что участвует в каком-то веселом приключении.

К счастью, старушка оказалась жива. Сашу убедило в этом поведение Барона. Пес подошел к кровати бабы Глаши, не демонстрируя ни малейшей тревоги. Значит, жива! Окончательно Саша убедился в этом, когда потрогал бабку. Теплая. И дышит. Дыхание ровное, свободное, не похоже, чтобы бабка отдавала концы. Но что-то с ней было не так. Сережа хоть и дурачок, а смекнул верно. Бабка лежит без движения и на суету вокруг себя не реагирует.

– Баба Глаша, вы чего это?

Когда Саша только вошел в избу, он страшно испугался, решив, что бабка и впрямь померла. Старушка лежала на спине, нижняя половина ее тела была укрыта белым покрывалом. Глаза бабы Глаши были закрыты. Руки сложены на животе как у покойницы, да еще и свечку церковную старуш-

ка где-то нашла и теперь держала ее в руках. Однако услышав чужой голос у себя над головой, старушка глаза открыла. Увидела возле себя морду Барона, и глаза ее сердито сверкнули:

– Кто грязную зверюгу в избу пустил?

– Я.

– Убери!

После того как поспешное выдворение Барона состоялось, Саша вновь вернулся к постели бабы Глаши, которая и не думала подниматься.

– Что с вами?

– Помираю я, Сашенька, – сказала она совершенно спокойно, как бы просто-напросто констатируя этот факт.

– Как? С чего вдруг? Вчера виделись, вы здоровехоньки были.

– Смертушка ко мне этой ночью приходила.

– Что вы придумали? Вы же ничем не болели!

– И поздоровей меня люди убирались в одночасье. А мне вот Господом милость великая была дана, время для покаяния выделено.

И увидев, что в дверь входят Катя с мужем, старушка повернула голову и сказала:

– Ты, Коля, уж не в службу, а в дружбу сгоняй в город, привези мне священника. Только первого попавшегося не вези. Пусть меня отец Анатолий исповедует. Он мою жизнь знает, он поймет, что к чему. А ты, Катюша, посиди со мной чуток.

Мне тебе сказать кое-что надо. Ты у меня рецепт моего сыра спрашивала, я тебе говорить не хотела, скрытничала. Но с собой на тот свет рецепт не возьмешь, расскажу его тебе. Сядь, подожди.

Катя послушно присела возле кровати старушки. А вот Коля все топтался у порога. Саша понимал, Коле не хочется никуда сейчас ехать. У него дома остались незаконченные дела. И вся основательная Колина натура возмущалась против такого поворота. Ни с того ни с сего, по прихоти какой-то чужой старухи взять и все бросить? Заниматься ее пустыми делами, а свои нужные взять и оставить? А с другой стороны, вдруг помрет бабка? Нехорошо, если последнюю просьбу покойника не уважишь. Сомнения терзали Колю, потому он сопел и топтался, не зная, как ему поступить. Но потом все же совесть взяла верх, Коля махнул рукой и без возражений отправился за священником.

Между тем Катя всплакнула.

– Не плачь, девочка, – скорбно утешила ее баба Глаша. – Я уж свое пожила. Будет с меня. Другие и половины моих лет не проживали, а мне почти восемьдесят шесть годков, и все живу.

– Бабушка, а что болит-то у вас?

Баба Глаша задумалась.

– Болеть вроде бы ничего не болит, – ответила она, а потом упрямо прибавила: – А только все одно помру!

– Но почему?

– Смерть ко мне нынче ночью приходила. Страшная, белая, башка замотана, сама с косой.

Услышав это, Саша насторожился:

– С косой? А где вы ее видели? У себя дома? Сюда она приходила?

Бабка покачала головой. Вид у нее был торжественный.

– Не дома, значит, – еще больше заволновался Саша. – А где тогда? На улице?

– Хоть бы и на улице, – отозвалась баба Глаша. – Все равно она ко мне приходила. Она сама мне сказала, иду к тебе! И как припустит! Еле ноги от нее унесла! Уж и не чаяла, что живой домой прибегу.

– Это ночью было?

– Да, нынче ночью.

– И видели вы ее на поле за огородами? Где еще старые яблони растут по краю вперемешку с теми молодыми деревьями, что уже Коля с отцом посадили?

Баба Глаша открыла глаза и внимательно взглянула на Сашу:

– А ты откуда знаешь?

– Так это же...

Но тут Саша спохватился, что такие подробности совсем не для Катиных ушей. Совсем не нужно сестре знать, как он гонялся по полю за привидением, а выглядел при этом так, что соседка приняла его за смерть с косой.

– Катя, ты мой телефон не принесешь? – попросил он у

сестры. – Похоже, я его дома забыл.

Катя удивилась:

– Мне за твоим телефоном сбегать?

– Сходи, а? – попросил ее Саша. – А мне с бабой Глашей поговорить нужно.

Катя пожала плечами, но вышла. Стоило сестре переступить порог, как Саша рассказал бабе Глаше о том, кого она приняла сегодня ночью за свою смерть.

– Так это ты был, шельма? – ахнула баба Глаша. – С косою? Да как же ты смел так меня напугать?! Ведь я едва там прямо на месте Богу душу не отдала! Сама не помню, как и до дома доплелась!

– Откуда я мог знать, что там еще кто-то, кроме меня, будет? – оправдывался Саша. – Вы сами зачем туда пошли ночью?

– А ты?

– Я волчий вой услышал.

– И я услышала.

Баба Глаша подобно многим пожилым людям обладала сном чутким и поверхностным. Услышав, что за окнами в ночи кто-то воет, она мигом очнулась и захотела своими глазами увидеть, кто воет.

– Волков у нас в округе нет. Собак в деревне всего две. Твой Барон и еще Дик. Я знаю, ты своего Барона в доме держишь. Федор тоже Дика на ночь в дом забирает. Значит, кто выл?

– Кто?

– Вот мне тоже любопытно стало это узнать.

И баба Глаша как-то странно отвела глаза в сторону. То смотрела на Сашу прямо и открыто, а тут вдруг засмушалась.

– Баба Глаша, я следы волчьи сегодня утром на поле видел. Там земля вспахана, каждый след отпечатывается. Следы есть, вой слышен, а волков нет! Расскажите, что это за непонятки такие. Вы же в этих местах всю жизнь живете.

– Родилась я тут и выросла, – не стала отрицать баба Глаша. – Потом в город уезжала, а на старости лет назад потянуло. Что нам с Сереженькой в городе делать, он у меня сам знаешь какой, в городе таким людям сложней приходится. А тут на природе Сереженьке благодать. С птичками да травинками большого ума говорить не надо, с ними больше сердцем да душой общаться нужно. Ну а душа у Сереженьки чистая. Только боюсь, как бы грехи отца его на голову сына не пали. Потому и священника хочу. Ох, грехи наши тяжкие! Отец Анатолий нашу беду знает, он не осудит.

– Вы в сторону разговор не уводите, – попросил Саша. – Вы же у нас, баба Глаша, местная. Значит, тоже легенду про воющего старика слышали? Наверное, его вы и надеялись на том поле ночью застукать?

Баба Глаша неожиданно засмеялась.

– Верно ты говоришь, Сашок. Любопытство меня одолело. А любопытство суетное – это грех. За то и поплатилась. Ведь как ты меня напугал, это же до сих пор жутко вспомнить! Я

же тебя за смерть свою приняла! А как же? Белая, бежит ко мне, кричит: «Я иду к тебе!» Да еще и косой размахивает.

– Это я от волков обороняться думал.

– А кричал чего?

– Думал, Барона моего волки жрут. Вот и кричал.

– А я-то этого не знала. Вижу, белое да с косой. Что тут подумаешь? Только то, что все, конец пришел. Не помню, как и ноги унесла.

– А что со стариком-то? Верно, что про него рассказывают, будто бы он у нас в доме похоронен?

– Кто такое говорит?

– Дядя Вася.

Баба Глаша пожевала губами. А потом осторожно сказала:

– Пьет Василий сильно. Да и приврать мастак. Что он тебе рассказывал?

Саша подробно изложил.

– Надо же, все верно рассказал, – не без удовольствия констатировала бабка. – Я эту историю тоже раньше слыхала.

– И призрака видели?

– Самой не пришлось, но кое-кто из наших и прежде его видел, – кивнула баба Глаша. – Только раньше он тихо себя вел, прилично. Чтобы ночами выть, такого безобразия за ним не водилось.

И помолчав, она неожиданно спросила:

– А больше тебе Василий ничего не рассказывал?

– А что еще?

– Насчет меня, например.

– Нет. Баба Глаша, а вы что, с этим стариком лично знали?

– С ним самим нет. Ты чего? Он же еще при царской власти помер. А я хоть и старая, но не настолько же. В тридцатом году родилась.

– А про кого тогда дядя Вася мог мне говорить?

– Да ни про кого. Забудь. Ты лучше мне скажи, вы теперь из дома, наверное, съедете?

– Вряд ли.

– А все прежние жильцы съезжали, как про него узнавали. Призрак он ведь такой, как поведется приходить, не скоро избавишься от напасти.

– Я тут распоряжаться не могу. Как Коля решит.

– А ты ему скажи, что призрак неспроста приходит.

– А зачем?

– Смерть он чувствует.

– Ч-ч-ч... чью смерть? – выдавил из себя Саша, но баба Глаша лишь мрачно улыбнулась, мол, сам скоро узнаешь.

Тут очень некстати вернулась Катя, которая сказала, что никакого Сашкиного телефона она дома не нашла. Саша не удивился и не огорчился. Ясное дело, Катя его не нашла. Да и как бы сестра нашла его телефон, если аппарат все это время спокойно лежал в кармане куртки самого Саши? Он нарочно уснул сестру, желая поговорить с бабой Глашей о воюющем призраке старика. И поговорил на свою голову. И все

же Саше показалось, что баба Глаша что-то от него утаивает. И, как всякий любитель загадок, парень преисполнился желания узнать, что такого интересного держит от него в секрете старуха.

Но сама баба Глаша разговоры разговаривать была не намерена. Поняв, что кончина ее откладывается на неопределенный срок, она вспомнила о земных делах.

– Батюшки! Корову я еще нынче не доила! Овцы не кормлены! Что же это я лежу-то!

Но оказалось, что все хозяйство находится в полном порядке. Сережа хоть и дурачок, но с работой справился не хуже самой бабки. Правда, половину выдоенного молока выпил он сам.

Но бабка все равно обрадовалась:

– Вот молодец, внучок! Теперь помру, так хоть спокойна буду. С голоду ты тут без меня не окочуришься. Молочка напьешься, и порядок. Вкусное молочко-то? Нынче такое молочко редкость. Нынче люди порошок разведут, его молоком и называют. А у меня все натуральное, потому и стоит дороже. Только люди все равно на натуральное тянутся, отбоя от клиентов нет.

Это была правда. Клиентов у бабы Глаши было в избытке. И хотя продавала она недешево, брали у нее охотно.

Саша остался вроде как помочь старухе, но сделал это не без задней мысли. Он надеялся во время работы разговорить бабу Глашу, которая явно что-то скрывала. Но бабка к раз-

говорам была теперь не настроена. Шуровала по хозяйству словно электровеник. Управлялась получше иной молоденькой. Да еще на Сашу с Сережей покрикивала, понуждая их поторапливаться.

Так что к тому моменту, когда в Васильки въехала Колина «Нива», в салоне которой восседал незнакомый Саше пожилой человек с окладистой седой бородой, баба Глаша уже совсем забыла о своем возможном переселении в мир иной. И при виде священника даже удивилась.

– Отец Анатолий! А откуда это вы?

Отец Анатолий выбрался из машины и строго уставился на бабу Глашу. Потом посмотрел на Колю, но, увидев, что тот и сам в шоке, выпучив глаза, смотрит на воскресшую бабу, священник взглянул на старуху еще строже:

– Ты что же это чудишь, Глафира? Помирать легла, а сама по огороду бегаешь. Скучно тебе живется, так ты людей понапрасну тревожить вздумала?

Баба Глаша засуетилась:

– Отец Анатолий, неудобно как получилось-то. Я ведь и впрямь думала, что помирать придется. За вами послала. Вы же знаете, мне без покаянной исповеди помирать никак нельзя. Грехов на мне слишком много.

– Грехов на каждом из нас предостаточно. Но что же это получается, ты помирать передумала?

– Передумала, батюшка!

Отец Анатолий закричал.

– А насчет исповеди что же?

Бабке Глаше явно было уже не до исповеди. У нее молоко для творога на плите стояло. Но видя, что иначе священник может вконец разобидеться, она пробормотала:

– Исповедаться я хочу.

– То-то же. Но в другой раз ты меня не дергай. Не у тебя одной дела. Хочет душа покаяния, приходи в храм. Расписание богослужений у тебя есть, знаешь, когда приходиться. Вот и приходи.

– Хорошо, батюшка.

– Проводи в дом-то. Исповедаю тебя, коли приехал. А ты уж мне продуктовый наборчик собери. Моя попадья большая охотница до домашнего маслица да сливочек.

У священника с собой была сумка, в которой он привез облачение и все необходимое. Ни Сашу, ни Сережу, вообще никого постороннего в дом он не пустил.

– Исповедь – это таинство между Богом и человеком. В апостольские времена каялись прилюдно и вслух, но теперь так не делают. В чем человек кается, то между ним и Богом и остается.

– А как же вы?

Но на этот вопрос Коля ответа не получил. Дверь захлопнулась, а священник вместе с бабой Глашей скрылись в доме. Коля с Катей ушли к себе. Серега тоже куда-то исчез. И остался Саша один. Остался и призадумался. Как же ему подслушать, о чем пойдет речь у священника с бабой Гла-

шей? Ведь неспроста старуха попа выдернула. Значит, есть что ему рассказать.

И почему-то Саша был уверен, что речь у этих двоих пойдет о том старике, чья душа так и не нашла до сих пор покоя. А Саше очень хотелось выяснить, по какой причине это произошло. К тому же это было просто важно, ведь если старикан примется и дальше выть каждое полнолуние, это может плохо сказаться на атмосфере в доме. Родится младенец, гости съедутся, спать лягут, а тут волчий вой за окном. Атмосферу праздника такой вой точно испортит. Да еще бабка обронила, что призрак появляется перед чьей-то смертью. И это Сашу тоже тревожило.

– Надо нам от этого призрака избавляться. А как?

По прочитанным книгам, а еще больше по просмотренным сериалам Саша знал, что только неуспокоенные души, которых на земле что-то держит, не могут убраться в свой мир, а продолжают блуждать где-то между миром живых и миром мертвых. Такие неприкаянные души, ясное дело, от собственного положения в первую очередь страдают сами. А как иначе? Вы сами попробуйте-ка пошататься из года в год, когда и головы негде преклонить. И поэтому эфирные флюиды страданий этих несчастных просачиваются в мир к живым, отравляя тем и без того нелегкое земное существование.

Из тех же сериалов Саша четко уяснил: чтобы призрак наконец убрался к своим, его нерешенную проблему придется

решать живым людям, если они хотят покоя. Саша покоя для своей сестры, ее мужа и их будущего ребенка очень хотел. Но захочет ли бабушка Глаша в этом деле ему помочь? Судя по тому, что за столько лет она никаких шагов в этом направлении не предприняла, нет, не захочет.

Значит, что? Значит, придется действовать самому.

– Как всегда, все сам, все сам.

И Саша деловито обвел взглядом дом бабушки Глаши. Этого оказалось мало. И Саша обошел дом по периметру. Он высматривал, где тут есть слабое место, через которое можно проникнуть внутрь, оставшись при этом незамеченным.

Глава 4

Такое место вскоре нашлось. Это было чердачное окно. К нему снаружи очень кстати была приставлена лестница, по которой Саша и стал взбираться. Барон молча наблюдал за хозяином. Но когда Саша оторвался на пару метров от земли, пес не выдержал и деликатно произнес:

– Ва-ав!

Барон стоял на задних лапах, опершись передними на ступень. В его глазах было непреклонное намерение последовать за своим хозяином, чего бы ему это ни стоило.

– Нет! Нельзя! – строгим голосом сказал ему Саша. – Барон, сидеть!

И когда пес послушно уселся на землю, добавил:

– Ждать!

Это была едва ли не самая нелюбимая команда Барона. Она претила всей его деятельной натуре. Еще щенком Барон всячески стремился уклониться от выполнения нелюбимой команды. Притворялся глухим или временно терял соображение и память.

– Сиди, – на всякий случай повторил Саша. – Сиди и жди!

И полез вверх. Не так уж было и высоко, но сердце у него раз десять ушло в пятки. Лестница была деревянной, да еще вдобавок и очень старой, ровесницей самой бабы Глаши. Деревянные ступеньки угрожающе поскрипывали и прогиба-

лись. Того и гляди, развалина сломается, и Саша полетит вниз, во двор, на расставленный там садово-полевой инвентарь. Все эти тачки, тележки и колья для подпорок. Напорешься на один такой, и все, окажешься с дырой в животе или с разбитой башкой.

Но все обошлось благополучно. Саша забрался на чердак и первым делом отметил полнейшее несходство этого чердака с их собственным. Тут не было всякой интересной старинной всячины. Тут были складированы старые ведра с облупившейся эмалью и без ручек, дырявые жестяные тазы и помятые алюминиевые ковшики. И еще банки! Целые ряды и шеренги разнокалиберных банок, расставленных как придется. Все они были пусты и в той или иной степени покрыты пылью.

– Хозяйственная бабка, кхе-кхе.

Баба Глаша частенько повторяла, что в хозяйстве все пригодится и что сама она ничего не выбрасывает. Раньше Саша думал, что это она для красного словца так говорит, но теперь понимал, что бабка вовсе не шутила.

Осторожно пробираясь через ряды банок и всяческого старья, Саша внезапно обнаружил, что слышит голоса. Они почему-то доносились не снизу, а откуда-то сбоку. Саша испуганно замер. Бабка и священник тут? Они что, на чердаке? Или это не они и в доме есть еще какие-то люди? Но Саша прислушался и понял, что мужской голос определенно принадлежит священнику. Удивление Сашки усилилось много-

кратно. Что же священник бабу Глашу на чердаке исповедует? Другого места в доме им не нашлось?

Но постепенно Саша понял, что на чердаке кроме него никого нет, а священник и баба Глаша разговаривают в большой зале. Там стояла печь, чей дымоход проходил на крышу через чердак. Заслонка на печи была открыта, потому что баба Глаша собиралась ставить на горящие угли будущий обед. Но пока печь была открыта, она служила отличным передающим устройством. И каждый произнесенный у печи звук, поднимаясь вверх по дымоходу, проникал на чердак.

– Ну, Глафира, все эти твои грехи я от тебя уже слышал, и не по одному разу. Говоришь, что завистлива? Так я тебе еще месяц назад велел по тридцать раз утром и вечером «Богородицу» читать. С поясными поклонами. Читаешь?

– Читаю, батюшка. Только не сильно помогает.

– Значит, плохо читаешь. Без усердия.

– Да уж стараюсь.

– Стараешься, да не так. Кабы все правильно делала, то и сердечное умиление бы пришло, и мысли греховные от тебя бы разбежались.

– Да где уж тут. Только еще пуще одолевают. На Сережку срываться начала. Раздражает он меня.

– Это ты уж совсем напрасно. Сережа у тебя замечательный. И все не одна ты. Родной внучок с тобой.

Последовала пауза. А затем баба Глаша произнесла:

– Не родной мне этот мальчик.

– Как же он у тебя оказался?

– Взяла под свою опеку, потому что рассчитывала, что в старости да в немощи он мне подмогой будет, а он вон каким оказался. Один день вроде как ничего, даже что-то разумное от него услышишь. А иной раз так его накроет, что только держись. Бормочет что-то несурзное, а к чему, и не поймешь. Станешь прислушиваться, вовсе ум за разум зайдет. Думаете, легко мне с ним? На одни лекарства сколько денег уходит! Инвалид!

Священник помолчал.

– А где его родители?

– Померли.

– Оба?

Молчание. Потом снова раздался голос священника:

– Глафира, зачем ты меня сегодня звала? Эти грехи, в которых ты мне исповедуешься каждый раз и которые каждый раз я тебе отпускаю, не могли так сильно тебя тяготить. Скажи, есть что-то еще? Что-то, о чем ты хотела со мной поговорить особо?

Снова молчание. Саша начал опасаться, что не услышит ничего интересного, как внезапно Глафира произнесла:

– Скверная я по молодости была девка. Грешила много.

– Все по молодости грешат. Это уж с годами к человеку разумение приходит. А таких, чтобы с юности себя блюли, единицы.

– Гулящей я была совсем. Денег за связь не брала, а все

равно мужиков у меня много было. И разные попадались, и женатые, и с детьми, и вдовы.

– Это плохо. Что же ты так?

– Замуж сперва очень хотелось, а никто не брал. Потом поманил один, да тоже... не сложилось у нас. Так и вся жизнь прошла, а не удалось мне в счастливом замужестве пожить. За то саму себя и корила. За то самой себе и мстила. Бедная я была, и семья у нас бедная, и жилья своего не было, и приданого не было. Да еще и красотой особой не блистала, кому такая нужна?

– Нужно было молиться, жених бы и нашелся.

– Это я теперь понимаю. А в ту пору какие молитвы? Будто бы вы, батюшка, сами не помните, как мы раньше без Бога-то жили. Да я не о том покаяться хотела. Те грехи по сравнению с главным грехом я и за грехи-то не считаю.

– Интересно.

Голос священника посуровел. Но баба Глаша словно бы и не замечала.

– Был у меня мужчина, постарше меня он был, и образованный, и начитанный. Не то что я, дура малограмотная, деревенщина неотесанная.

– Зачем ты так, Глафира?

– Уж как есть. Сама знаю, что я наукам не обучена и красиво говорить не умею. Но Господь ведь человека не за образованность любит, правильно я рассуждаю? Господу нужно сердце чистое, а у меня на сердце тьма. Черное я тогда

дело сделала. Сразу двух близких мне людей погубила.

– Ты никогда мне этого греха не открывала.

– Стыдно было. Как, думала, я потом в глаза вам смотреть буду? Я вот и сейчас не знаю, как я завтра вам в лицо посмотрю. А все-таки помирать, когда на сердце такая чернота, еще страшнее. Лучше уж я покаюсь.

– Это хорошо, это правильно, только...

– Дайте договору. А то решимость меня оставит. Не все это. Я ведь почему тех людей погубила? Потому что человек тот жениться на мне отказался. С другой жить как со своей женой надумал. На моей сестре родной жениться захотел. И такое меня зло взяло, что и словами не передать. Почему, думаю, у этой все будет, а у меня ничего. Чем она лучше меня? Ведь ничем. Она и впрямь ничем не лучше была. Такая же бедная деревенская девчонка. Может, на мордашку чуть смазливей. Зато я хозяйственная. Но на ней он хотел жениться, а на мне – нет. И ведь я его имя носила, не она!

– И что же ты сделала, чтобы их погубить?

– Возненавидела я их двоих просто люто. Никогда ни до, ни после я таких чувств не испытывала. И пожелала я, чтобы они оба умерли. И они умерли. Сначала он, а потом уже и она.

– Как они погибли?

– Он в лагере умер, а она от болезни убралась. Тоска ее заела, так я думаю.

– Ну а при чем тут ты? Ты их не убивала.

– Своими руками – нет. Но я слышала, что мысли тоже могут вредить. А я их так ненавидела, так... что вам и не передать! Мне кажется, что от этой моей ненависти у них все наперекосяк и пошло.

– Не надо слишком превозноситься.

– Да разве же я превозношусь? – удивилась баба Глаша. – Я, напротив, самой мерзкой тварью себя считаю.

– Есть и похуже.

– Нет, я самая худшая гадина!

– Вот и подтверждение твоих слов. Думаешь, будто бы от твоих маленьких жалких чувств кому-то плохо может быть. Да ведь если бы Господь не попустил подобное, ничего бы не случилось. А так посмотри, человек этот тебя на страдания душевные обрек. Что-то он тебе обещал, так? Не просто же ты его возненавидела.

– Обещал, – согласилась баба Глаша. – Жизнь замужнюю он мне обещал.

– А женился на другой. Обман с его стороны. А сестра твоя о тебе и твоих чувствах знала?

– Знала.

– Вот видишь! Она знала, что мужчина несвободен. Он знал, что несвободен. А оба поддались искушению. За то их Господь и наказал. А ты к этому отношения не имеешь.

– Да ведь злоба какая у меня на сердце была!

– А что ты к ним испытывала, ненавидела ты их там или простила, только тебя одной и касается. Только тебе от тво-

их чувств может быть хорошо или плохо. Им от этого ни горячо ни холодно. Скажи честно, тебя эта история сильно тяготила?

– Уж так тяжело мне было, и не передать! А вот сейчас рассказала и вроде как полегчало.

– И еще легче будет.

– Только это еще не все, что я рассказать хотела, – произнесла баба Глаша, и голос ее задрожал. – Не знаю, может, меня лично это и не сильно касается, а все же душу тяготит. Вы же о привидении, что в наших краях бродит, слышали?

– Какую-то статью в газете читал.

– А я этого призрака своими глазами видела! И так мне жутко сделалось! Я ведь думала, что вся правда вместе с ним самим похоронена. А оно вон как! Непокойно его душе, вот он и бродит, правду свою ищет.

– О чем ты говоришь?

– Да про старика этого, будь он неладен. Из-за него все мои беды. Из-за него одного. Вы, батюшка, послушайте, как дело было...

Дальше голос бабы Глаши опустился до шепота, и Саша ничего больше разобрать не сумел. Что рассказывала баба Глаша священнику, понять он не мог. Потом до Саши донесся голос читающего слова молитвы отца Анатолия, затем и он опустился до неразборчивого бормотания. Саша смог различить лишь частые призывы к Спасителю и просьбы о помиловании рабы Божией Глафиры. Это Саше было уже со-

всем неинтересно. И он начал подумывать о том, как бы ему убраться с чердака, как вдруг за дымоходом послышался еще какой-то звук.

Сначала Саша подумал, что это мышь. Но откуда на чердаке взяться мыши? Чем ей тут питаться? Пустыми банками? Или паутиной? Между тем звук повторился. Кто бы это там мог быть? Саше стало любопытно. Но прежде чем он успел шевельнуться, из-за дымохода показался Сережа. Не замечая Саши и отряхивая с себя пыль и снимая с одежды паутину, внук бабки Глаши двинулся к тому окошку, через которое сюда на чердак влез и сам Саша.

Несказанно удивленный Саша смотрел вслед парню. Что дурачок делал на чердаке? Саша готов был поклясться, что Сережа подслушивал точно так же, как и он сам. Но откуда у слабоумного вдруг прорезалась такая смекалка? Только теперь Саша понял, кто прислонил ту лестницу, по которой он поднялся к чердачному окошку. И кто открыл само окошко. Одним словом, кто был тот, который подготовил весь путь, которым воспользовался затем Саша.

Он хотел окликнуть Сережу, но одумался. Лучше пусть Сережа не знает, что Саша тоже побывал на чердаке. Сейчас, когда внук бабы Глаши не думал, что за ним кто-то наблюдает, дебильное выражение его лица изменилось, оно стало почти нормальным. И он отряхивал от пыли и паутины свою одежду. Сережа, который привык спать с овцами! Сережа, чьи волосы были постоянно слипшимися от навоза. И этот

Сережа, подумать только, побрезговал какой-то маленькой паутинкой!

Саша не знал, что ему и думать. Сколько он так просидел на чердаке, никому не ведомо. Но когда Саша попытался спуститься, то обнаружил, что окошко закрыто снаружи. А лестница и вовсе исчезла. Снизу доносился хриплый взволнованный лай. Барон носился вдоль забора в страшном смятении. Его драгоценный хозяин исчез! И он не мог его найти. Было отчего псу удариться в панику.

– Ав-ав-ав! Ав-ав-ав!

Хотя обычно Барон был молчалив, но, когда на него «находило», он мог лаять часами.

– Надо мне отсюда выбираться, – решил Саша.

Сверху он видел, что из дома вышли баба Глаша со священником. Оба остановились на крыльце и неодобрительно воззрились на собаку. Потом священник перекрестил бабу Глашу, та поцеловала ему протянутую руку, а затем вложила в нее увесистый пакетик, надо полагать, с теми самыми обожаемыми попадьей сливочками и домашним маслицем. На этом они и расстались.

Проводив дорогого гостя, баба Глаша вернулась и шуганула Барона. Но тот и ухом не повел. Что Барону была какая-то там баба Глаша, когда у него имелся собственный хозяин, и хозяин этот сейчас пропал!

– Да, пора уходить. А то Барон и себе всю глотку сорвет, и всю округу переполошит.

Но сказать – это одно, а сделать – совсем другое. Саша не представлял даже примерно, как ему теперь быть. Разбить чердачное окно? А что дальше? Сигать с такой высоты на утрамбованную землю двора ему совсем не хотелось. Взывать о помощи – тоже. Оставалось попытаться пройти через дом. Но там суетилась баба Глаша. Она наконец закрыла заслонку на печи, и теперь, вздумай хозяева поговорить между собой, Саше было бы ничего не разобрать. Но шаги бабы Глаши глухо отдавались по старым половицам. Потом прибавился гнусавый голос Сережи. Бабка с внуком собирались трапезничать.

Пришлось Саше дожидаться, пока они пообедают. После обеда они отправлялись подремать. Баба Глаша к себе в спальню, а Сережа уходил на сеновал. Наконец главная зала освободилась, и Саша получил возможность спуститься вниз по маленькой, узкой и крайне скрипучей лесенке. Он шел очень осторожно, сняв обувь, так что все прошло благополучно.

Увидев хозяина, Барон обезумел от радости. Он вилял всей попой, крутился, юлил и даже прыгал на Сашу, пытаясь обнять хозяина своими грязнящими лапами, совсем забыв, что это ему строжайше запрещено. Но разве Барону сейчас было до каких-то запретов?! Слюни счастья так и летели во все стороны, когда он тряс головой, пытаясь прийти в себя.

– Хороший, хороший пес. Ну все, все, перестань.

Но Барон не унимался. И всю дорогу до дома прыгал и

скакал возле Саши. Хозяин и пес так увлеклись друг другом, что, уходя от бабы Глаши, ни один из них не оглянулся назад. А значит, и не увидел того, как из хлева высунулась лохматая голова Сережи, который внимательно посмотрел вслед этим двоим. На лице дурачка на этот раз не было и тени его обычной придурковатости. Напротив, глаза его смотрели очень цепко и недоверчиво.

Дома у Кати с Колей были гости. К ним заглянули их давние знакомые, которые сперва были просто клиентами, покупали у Коли рыбу, потом стали его и Катиными добрыми приятелями, а теперь превратились фактически в друзей. Правда, с друзьями не принято регулярно брать деньги, а Коля брал.

– Где ты был? – накинулся он на Сашу, едва тот успел ступить на порог. – Я тебя всюду обыскался.

– Так... Гулял.

– Гулял он! Работать надо!

Катя глянула на мужа, потом повернулась к брату:

– Обед доедать будешь?

– погоди ты с обедом к нему лезть, – снова выступил Коля. – Он еще и завтрак свой толком не успел отработать.

Иногда Колю бывало трудно выносить. И сегодня, похоже, был именно такой день. Коля с утра был не слишком настроен, а уж после того как ему пришлось оторваться от своих дел и вместо обеда возить туда-обратно отца Анатолия,

настроение у него и вовсе испортилось. Да еще выяснилось, что Света с Олегом приехали просто поболтать, а вовсе не за рыбой. Брали они ее обычно десятками килограммов, раздавали и бабушкам, и тетям, и тещам-свекровям. А помимо этого брали еще и икру, и мед, и сметану, и сыр, и сливки от бабы Глаши, которыми Коля также приторговывал. И конечно, Коля рассчитывал заработать на этом визите косарь-другой, а не вышло. Весь день насмарку. Было отчего прийти в отчаяние.

– Вы к нам надолго?

За друзей ответила Катя:

– Света с Олегом остановились в пансионате неподалеку от нас.

– «Белогорье».

– Слышал о таком.

– Еще бы не слышал, – тут же откликнулся Олег – маленький и крепенький, он производил впечатление уверенности и жизнерадостности. – Всего тридцать километров от вас. Третий день отдыхаем, все достопримечательности осмотрели, в лесу погуляли, на роднике целебной водой опились так, что в животе булькает. Дай, думаем, заглянем к нашим друзьям. Как вы тут без нас?

Катя принялась рассказывать подруге о своих маленьких новостях, но Света слушала ее невнимательно, чувствовалось, что мысли молодой женщины заняты другими вещами. И она все время перебивала Катю своими возгласами:

– А знаешь, еще мы в бассейне с настоящей морской водой купались! А Олег в хамам ходил! А мне грязевое обертывание делали!

В общем, Света приехала не для того, чтобы узнать, как дела у подруги, а для того, чтобы перед этой подругой похвастаться. Вообще, для этих целей Катя была самым подходящим объектом. Сидела себе в деревне, собственных денег не имела, всем семейным бюджетом управлял Коля самолично, а он считал, что тратить деньги нечего, что одежда и обувь у его жены и так есть. А значит, и приобрести по Интернету Катя себе никакой обновки не могла. В общем, похвастаться Кате было решительно нечем, и на ее фоне любая другая смотрелась выигрышно.

Катя от похвальбы подруги как-то заскучала. Саша даже начал злиться на болтливую Свету.

Но внезапно Олег сказал:

– А хочешь с нами поехать?

– Куда это? – удивилась Катя.

– К нам в «Белогорье». По соседству с нами номер освобо-
дился. Заселишься. Испробуешь все тридцать три удоволь-
ствия.

Коля моментально насторожился:

– За чей это счет банкет? У вас там небось номера доро-
гущие.

Света моментально кинулась в атаку:

– А у тебя что, для жены денег нет?

– Вы люди богатые, счета деньгам не знаете, – пробурчал Коля. – А у меня каждая копейка в хозяйстве пригодится. И зачем Кате куда-то ехать? У нее дома своя кровать есть. Зачем ей гостиничный номер? Да, Катя?

Но Катя молчала.

– Поехали! – обрадовалась Света. – Весело будет! Развлечешься. Развеешься. Мы платим. Да, Олежек?

Олег кивнул.

– Это будет наш тебе подарок на день рождения.

– Ты мне уже браслетик подарила.

– Что тот браслетик! Тебе же он и не понравился. Не носишь его совсем.

– Понравился! Просто где я его тут в деревне носить буду?

– Вот! А в «Белогорье» ресторан. На ужин сегодня пойдешь и браслетик к вечернему платью наденешь. Не волнуйся, платье я тебе тоже дам. Взяла с собой пять штук, а надеть все не успеваю. Все новые, с чеками и в магазинных чехлах. Одно я тебе спокойно презентую, для выхода в свет сгодится.

Катя умоляюще взглянула на мужа. Тот насупился, но возражать не стал. Устоять против халявы Коля никогда не мог.

– Поезжай!

Катя завизжала и кинулась к мужу на шею. Потом в считанные минуты собралась. Саша и глазом не успел моргнуть, как сестры и ее друзей уже не было и следа. Коля тоже выглядел растерянным и каким-то обиженным. И впервые за время их знакомства Саша его пожалел. Не хотел бы он, что-

бы его собственная жена тоже когда-то с такой радостью и скоростью от него драпанула.

Коля угрюмо проводил взглядом машину Олега, вздохнул и сказал:

– Ничего. Завтра вернется. Пошли работать.

И они пошли. И работали долго и очень дружно. И никакого раздражения между ними не возникало. И трений не проявлялось. Все силы уходили на тяжелую работу.

А потом пришла баба Глаша. В руках у нее была банка с чем-то бело-розовым, даже на вид очень соблазнительным и вкусным.

– Вот вам гостинчик от меня, ребятки, – ласково сказала она. – Йогурта сделала на домашнем молочке, вкусного с вареньем малиновым, сама летом ягодки собирала. Хорошая малинка, ягодка к ягодке. Кушайте, мои дорогие, на здоровье.

– Денег нету, чтобы покупать у вас йогурты, – отозвался Коля, который хоть и любил все сладкое, но платить втридорога, а именно столько брала за свои натурпродукты баба Глаша, он был не согласен.

– Да кто же с тебя деньги-то просит, Коленька! – заулыбалась еще шире баба Глаша. – Это мой подарок!

– Подарок? В самом деле?

Коля недоверчиво воззрился на бабу Глашу. Старуха была прижимиста. О таких людях говорят: за копейку удавятся. И вдруг подарок! С чего бы это?

– Ты же сегодня для меня за отцом Анатолием ездил, – объяснила баба Глаша. – Неужто я тебя отблагодарить не могу? Кушай, сыночек. И ты, Сашенька, покушай.

Но Коля, схватив банку, в момент жадно выпил все один.

– Вкусно! Сладко только очень.

Старуха заглянула в пустую банку и удивилась:

– А Саше чего же не оставил?

– Он не любит.

Саша от глотка йогурта тоже бы не отказался. Тем более что вон он какой вкусный, Колька не отрываясь целых семьсот граммов в себя влил. В банке совсем ничего не осталось. Баба Глаша тоже выглядела недовольной. Что-то пробурчав, она утопала к себе.

А вскоре на смену бабе Глаше пожаловал еще один гость – Мальвина. Выглядела она растерянной.

– Федор куда-то подевался, – пожаловалась она, словно тут ей могли помочь.

– В смысле?

– Из Васильков он уехал, а в город до сих пор не приехал.

– Это с утра и до города не доехал?

– В семь утра я сюда приехала, – подтвердила Мальвина. –

И где-то в семь десять Федор в город поехал.

– Так спросите у вашего родственника насчет Федора.

– Какого родственника?

– Того, который вас подвозил.

– А откуда он может знать про Федора?

– Разве не он Федора в город повез?

– Вот еще! – фыркнула Мальвина. – Станет Руслан салон пачкать. У него машина хорошая, дорогая. Он ее в автосалоне брал. Кондиционером все моет. А Федора возьми, потом в машине месяц псиной вонять будет.

Ну да, Федор же взял с собой Дика.

– Федор на своем «Мотыльке» укатил.

Была у Федора старенькая ржавая машинка, собранная из невесть каких частей. За легкость хода сам Федор прозвал машину «Мотыльком». Документов на эту машину у Федора не имелось, потому что гибэдэдэшники терялись и не могли понять, как им записать эту колымагу. Под какой маркой? А моделью? И даже цвет машины был неопределим, потому что в тех местах, где не зияли дыры и не было ржавчины или свежей сварки, машина пестрела самыми разными цветовыми пятнами.

Для сельской местности машина еще как-то годилась. Здешние все знали и ее и самого Федора и считали неказистое транспортное средство чем-то вроде крестьянской телеги. Тем более что «Мотылек» был созданием капризным. То и дело ломался. И тогда до дома его и впрямь волокла какая-нибудь соседская кляча. А один раз так даже двух хряков пришлось запрячь.

– Машина могла сломаться. Федора могли остановить постовые. Машина без документов, запросто на штрафстоянку могли забрать. Сам дядя Федор сейчас небось по разным ка-

бинетам бегает, «Мотылька» своего вырывает.

Но Мальвина все равно не успокаивалась:

– А трубку почему не берет?

– Некогда ему.

– Да я уж раз пятьдесят ему позвонила, если не больше.

Потом он телефон вообще выключил.

– Если бы мне, когда я занят, пятьдесят раз подряд позвонили, я бы тоже выключил.

– А мне что делать? – спросила Мальвина, и лицо ее некрасиво скривилось, словно женщина собиралась заплакать. – Автомат твердит, что абонент недоступен. В городе у нас дома Федор тоже не появлялся, я соседям позвонила. Где он может быть? Вам он не рассказывал, куда собирается?

– Нет.

Мальвина вздохнула:

– Понимаю, вы думаете, что я истеричка, которая психует по пустякам. Но Федор так странно уехал... Только я вошла, сумки поставила, он уже одетый выходит. Привет, говорит, и пока. И ушел!

– Вы же сказали, что долго под одной крышей не выдерживаете.

– Так то же я в шутку. И не так же сразу. Я ему еще говорю, давай я тебе сосисок на дорогу отварю, яичницу пожарю, сырников твоих любимых сделаю, а он: прости, не могу, спешу. И ушел. Так странно!

– Да.

– Такое впечатление, что Федор еще до моего приезда собирался куда-то ехать.

– В шесть утра? Разве что в лес. Говорят, сморчки пошли.

– Вот и я его спросила, не за грибками ли? Тогда можно будет со сметанкой их приготовить, благо я ему пять банок сметанки приперла. Кстати, вам не надо?

– Нет.

– Сосиски берите. Отличные сосиски. Собака ваша их прямо полюбила.

– Не надо.

– Колбасу! Сыр на бутерброд! Масло сливочное тоже есть. У меня всего навалом, в холодильник не помещается, а Федора нет. Кто все это есть будет?

И Мальвина все-таки заплакала. Было непонятно, ей жалко портящихся продуктов или она волнуется за своего мужа.

Коля поставил контейнер с мальками, которых так и не решился выпустить в воду. Для ответственного дела нужно хорошее настроение, а у него с приходом Мальвины настроение окончательно испортилось.

– Федор найдется, – сказал он и взглянул на Сашу.

Мол, подыграй мне. Достала эта баба, надо ее успокоить, и пусть убирается. Саша с готовностью кивнул:

– Конечно найдется! Человек не иголка!

– Взрослый мужчина!

– Что с ним может случиться!

– Просто у телефона зарядка села. Найдет розетку и сразу

вам позвонит.

– Вот увидите, к ночи отыщется.

– Или, в крайнем случае, завтра утром.

Мальвина еще немного пошмыгала носом, но было видно, что это она больше для порядка.

– А вдруг в историю какую попал?

– Что вы! Федор – и в историю? Да он и не пьет ведь почти.

Последнее обстоятельство совсем было убедило Мальвину. И она уже собралась уходить. Даже развернулась на сто восемьдесят градусов, да внезапно замерла. А когда вновь обернулась к мужчинам, те сразу поняли, все их уговоры ко-ту под хвост. Губы у Мальвины снова дрожали. В глазах стояли страх и слезы.

– Эт-т-т кто там? – сдавленно пробормотала женщина, тыча пальцем себе за спину. – Посмотрите! Я от слез ничего не разберу. Уж не Дик ли плетется?

Саша взглянул, и сердце у него похолодело. По полю двигался Дик. Это был точно пес дяди Федора. Но что с ним случилось? Как он шел! Дик двигался с явным трудом, то и дело приседая, а правую переднюю лапу и вовсе прижимал к себе, словно она была у него повреждена. Впрочем, когда Барон с приветственным лаем кинулся навстречу, Дик тоже приободрился и заковылял куда бодрей, хотя вес по-прежнему старался распределять по трем здоровым лапам.

Глава 5

Нашедшегося Дика обласкали, напоили и накормили, а затем осмотрели его лапы. Пес ел с отменным аппетитом. Он с громким хлюпаньем сожрал подряд три миски борща, что позволяло надеяться, что серьезно его здоровье не пострадало.

– Но что с ним случилось?

Судя по всему, Дик пробежал изрядное расстояние, буквально сбив свои лапы в кровь. Кроме того, одна лапа у него была повреждена. На нее Дик старался не наступать.

– На перелом не похоже, – сказал Коля, ощупав лапу. – Наверное, растяжение или ушиб. Ничего, отлежится.

Наевшись, Дик улегся на коврик отдыхать. Он лежал и лизал, и лизал, и лизал свою больную лапу.

– Отвезем его завтра к ветеринару.

– Если не поправится сам, конечно отвезем.

И Коля покачал головой. Не очень-то ему хотелось возиться с чужой собакой.

– Где дядя Федор? Дик никогда не оставлял своего хозяина.

И действительно, Дик был привязан к дяде Федору необычайно. Куда шел хозяин, туда шел и пес. Когда дяде Федору приходилось оставить Дика снаружи, тот терпеливо ждал. Но весь его вид выражал такое страдание от разлуки с люби-

мым хозяином, что дядя Федор избегал бросать пса одного. И вдруг такой поворот. Растрепанный, голодный и измученный Дик есть, а вот его хозяина – дяди Федора – что-то не наблюдается.

Состояние пса указывало на то, что ему пришлось проделать трудный путь. Вся его шерсть была покрыта грязью. Кроме того, в одном месте она была испачкана чем-то бурным.

– Кровь?

– Похоже на то.

Но чья кровь? Дика или дяди Федора? Всякие скверные мысли лезли в головы молодых мужчин, когда они разглядывали истерзанную собаку. Что касается Мальвины, та уже давно заливалась горячими слезами. Женщине чудились всякие ужасы, которые случились с ее мужем. Прослышав о возвращении Дика, прибрел дядя Вася. Увидел собаку, выругался, а потом задал вопрос, который мучил всех:

– А где ж Федыка?

И когда все промолчали, добавил:

– Ребята, не к добру это. Надо искать.

– Куда искать? Стемнеет уже скоро.

– В полицию надо сообщить.

Но в полиции к их информации отнеслись прохладно.

– Собака прибежала одна? И что? Пес мог потеряться. На нем кровь? Пес мог пораниться, когда выпрыгнул из машины на полном ходу. Зачем выпрыгнул? Зайца в лесу увидал и

кинулся в погоню. Не гоните волну. Собака в порядке, скоро и хозяин найдется. В любом случае раньше чем через семьдесят два часа к нам не приходите. Все равно заявления не примем.

А это получалось еще больше двух суток. Да за это время с дядей Федором могло случиться все, что угодно. Если он угодил в аварию, то он мог погибнуть и от полученных ран и от переохлаждения, потому что если дни стояли теплые, то по ночам было еще холодно.

И дядя Вася сказал:

– Будем искать сами.

– А где? Мы даже не знаем, в каком направлении Федька поехал.

– Дик нам покажет.

Все посмотрели на Дика. Оправдает ли пес общее доверие? Но собака уже крепко спала, положив больную лапу так, чтобы даже во сне ее оберегать. Нечего было даже думать, чтобы использовать эту собаку в поисках дяди Федора.

– Тогда завтра, – со вздохом решил дядя Вася. – С рассветом выдвинемся.

Сначала ушла к себе Мальвина. За ней вскоре утонул и дядя Вася. Саша уже тоже подумывал о том, чтобы отправиться на боковую, но тут внезапно Дик поднял свою тяжелую голову и гавкнул. Затем он вскочил на ноги и побежал в дальнюю часть дома, где и залился истошным громким лаем. Что могло его привлечь в этой нежилой части дома, Саша не

понимал. Но Дик так шумел, что разбудил даже Колю.

– Что ему нейдет? – крикнул тот из своей спальни.

– Не знаю. На стену лает.

– Свихнулся он, что ли?

Но в этот момент Дик внезапно как будто бы что-то услышал и метнулся теперь уже к двери. Тут он принялся скакать, крутиться и лаять с таким видом, словно решался вопрос его жизни или смерти.

– А теперь на дверь лаять вздумал.

– Выпусти его, – велел Коля, зевая от всей души. – Пусть проваливает. Вот скотина! Только я уснул, а он мне над самым ухом лает. У-у-у... Скотина!

И Коля снова упал на подушки. Саша открыл входную дверь, и Дик кубарем скатился с крыльца. Вот тебе и большой. Даже про сбитые лапы забыл. Что же такое привлекло к себе внимание Дика? Саша взглянул на Барона.

– Пойдем за ним!

Прогуляться – это Барон был всегда готов. Как будто за целый день не набегался. Похоже, Барон знал, куда направился его приятель. Выбежав на улицу, он на мгновение заколебался. За домом послышался какой-то шорох, и Барон побежал туда. Саша пошел следом и увидел, что пес подбежал к дереву.

– Ав-ав!

Пес лаял, но хвост его ходил из стороны в сторону. Значит, за деревом прячется кто-то знакомый. Саша приглядел-

ся и заметил кончик цветного шарфика, похожий на тот, который был на Мальвине, когда она приходила. Он присмотрелся получше. Да, точно, Мальвина. Стоит и не шевелится. Но что ей тут нужно? Не похоже, что женщина хочет быть обнаруженной. Иначе не пряталась бы за деревом. И все же Саша уже готовился окликнуть соседку, но уже через секунду его внимание привлек новый и на сей раз громкий звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.